K62 5/77

К 62 5 VI

П. Г. Клепатскій.

Императрица Екатерина Вторая.

Характеристика личности и царствованія

(по новѣйшимъ документамъ и изслѣдованіямъ).

ОДЕССА.
Тип. Л. Нитче, ул. Кондратенко № 30.
1912.

К62 5/77

П. Г. Клепатскій.

Императрица Екатерина Вторая.

Характеристика личности и царствованія

(по новѣйшимъ документамъ и изслѣдованіямъ).

ОДЕССА.
Тип. Л. Нитче, ул. Кондратенко № 30.
1912.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Русского Музея
№ 90
17 " II 1935 г.

М

Вмѣсто предисловія.

„Только потомство имѣетъ право судить меня,
къ нему я и апеллирую".

Екатерина.

Къ сожалѣнію, потомство не очень-то спѣшило обсудить апелляцію Екатерины, хотя его окончательный приговоръ едва ли оправдаетъ ея надежды. До сихъ поръ мы имѣемъ всего два обширныхъ труда о царствованіи Екатерины — *Бильбасова* и *Брикнера*; но изъ обширнаго изслѣдованія Бильбасова только первые два и послѣдній томы допущены къ обращенію въ Россіи, такъ что остается собственно одинъ трудъ Брикнера (отдѣльныя монографіи Бильбасова не могутъ возмѣстить утраты цѣлаго). Однако, этотъ трудъ, вышедшій въ 80 гг. (СПБ.), для настоящаго времени значительно устарѣлъ не только по своему матеріалу, но и по отправной идеѣ, навѣянной преданіемъ. Положимъ, что и трудъ Бильбасова въ этомъ отношеніи страдаетъ нѣкоторой односторонностью, но за то онъ несравненно полнѣе „Исторіи" Брикнера, а мѣстами и критичнѣе ея.

За исключеніемъ указанныхъ трудовъ, если не считать совсѣмъ уже устарѣвшихъ сочиненій *Колотова* [1]) и *Лефорта* [2]), въ нашемъ распоряженіи имѣются только юбилейныя статьи *Бильбасова* [3]), *Ключевскаго* [4]) и *Кизеветтера* [5]) — для характеристики, главнымъ образомъ, царствованія [6]), да два изслѣдованія *Валишевскаго* [7]) — для характеристики,

---

[1]) Дѣянія Екатерины II, Императрицы и Самодержицы Всероссійскія. СПБ. 1811.
[2]) Исторія царствованія государыни Императрицы Екатерины II. М-ва. 1837.
[3]) Памяти императрицы Екатерины II (Русск. Ст. 1896, XI. перепеч. въ Моногр. т. II).
[4]) Императрица Екатерина II (Русск. Мысль 1906. XI).
[5]) Историческое значеніе царствов. Екатерины Великой (Образов. 1896, XI).
[6]) Сюда можно присоединить еще нѣсколько запоздавшій Очеркъ внутренней политики императрицы Екатерины II, Лаппо Данилевскаго (СПБ. 1898 г.)
[7]) Вокругъ трона и Романъ Императрицы.

главнымъ образомъ, личности Екатерины (изслѣдованія по спеціальнымъ вопросамъ не въ счетъ). Предлагаемый трудъ является посильнымъ вкладомъ автора въ эту небогатую Екатерининскую литературу: это рефератъ, приготовленный для публичной лекціи въ 150-ю годовщину по вступленіи Ангальтъ-Цербстской принцессы на русскій престолъ. Какъ таковой, онъ, разумѣется, не можетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ ученаго сочиненія, хотя это не лишаетъ его характера научности, при популярномъ — надѣюсь — изложеніи.

I.

28 іюня сего года исполнилось сто пятьдесятъ лѣтъ со дня вступленія на русскій престолъ Софіи-Августы-Фредерики Ангальтъ-Цербстской, извѣстной въ исторіи больше подъ именемъ императрицы Екатерины II. Не знаемъ, догадаются ли наши корифеи почтить этотъ юбилей своимъ вниманіемъ, но намъ кажется, что, какъ личность Екатерины, такъ и ея царствованіе, вполнѣ заслуживаютъ этого: личность — не столько за ея высокіе таланты, сколько для установленія ея настоящей цѣнности, царствованіе — чтобы устранить покровъ обманчиваго блеска, который ослѣплялъ глаза современниковъ и до сихъ поръ мѣшаетъ потомству разсмотрѣть его въ настоящемъ свѣтѣ. За всѣмъ тѣмъ, отъ личности и царствованія Екатерины, даже и послѣ указанной операціи, останется все же достаточно, чтобы утѣшить патріотовъ, сѣтующихъ „о помраченіи кумировъ".

Удивительна судьба этой женщины, которая, по отзыву современниковъ, „родилась въ рубашкѣ", причемъ „побѣда подрядилась служить ей". Дочь Штеттинскаго губернатора, безприданница, дѣлается невѣстой наслѣдника могущественнѣйшаго государства; женщина, если не геніальная, то во всякомъ случаѣ — очень умная, получаетъ супруга „безъ разума и смысла"; лишивъ его престола, она, безъ малѣйшаго на то права, въ теченіи 34 лѣтъ самодержавно правитъ государствомъ, при взрослomъ сынѣ; типичная нѣмецкая принцесса XVIII в. становится національной русской героиней; обаяніемъ своей личности очаровываетъ современниковъ и внѣшнимъ блескомъ своего царствованія ослѣпляетъ глаза потомства; еще при жизни получаетъ имя *Великой* и послѣ смерти продолжаетъ пользоваться репутаціей геніальной, безъ достаточнаго на то основанія. Что же она такое—какъ личность и какъ государыня?

Умъ Екатерины часто превозносили свыше мѣры; но это былъ трезвый, практическій умъ. все достоинство котораго заключается въ томъ, что онъ былъ просто „умный", по выраженію покойнаго Ключевскаго [1]). Въ этомъ умѣ

[1]) Юбилейная статья Ключевскаго въ Русск. Мысли 1896, XI.

было мало творчества, въ чемъ сознается и сама обладательница; больше гибкости, чѣмъ самостоятельности; наблюдательность не была въ числѣ его первѣйшихъ достоинствъ (Екатерина видѣла только то, что ей хотѣли показать), почему Екатерина плохо распознавала людей и рѣдко не ошибалась въ выборѣ себѣ сотрудниковъ. Большой наблюдательности не замѣтно также и въ литературныхъ произведеніяхъ Екатерины, сюжетами которыхъ всегда являются общія понятія: глупость, невѣжество, легкомысліе, лицемѣріе, честность — слишкомъ грубые узоры для наблюдательнаго художника. Тонкость линій и яркость красокъ вообще не свойственны перу Екатерины; но я призналъ бы за нимъ нѣкоторое остроуміе, въ формѣ французскаго causerie, а подчасъ и легкую иронію либо юморъ.

Что касается чувства, то я не нахожу, что бы можно было сказать тутъ въ пользу Екатерины. Она не любила мужа—и по дѣломъ; но любопытно, что любовью не пользовался и ея сынъ Павелъ, рожденный отъ Салтыкова, котораго Екатерина, кажется, любила. Большимъ вниманіемъ матери пользовался гр. Бобринскій, рожденный отъ Орлова; но относительно другихъ дѣтей, прижитыхъ съ фаворитами, мы можемъ сказать только то, что они были, но не извѣстно, куда сплыли: малютки, повидимому, были круглыми сиротами уже съ перваго дня своего рожденія. При всемъ томъ Екатерину нельзя назвать жестокой, хотя эпизодъ съ княжной Таракановой какъ будто бы противорѣчитъ этому. У императрицы просто не было человѣколюбія, происходящаго отъ чистаго сердца, но въ общемъ она была гуманна—по разсчету ли, или вслѣдствіе избытка благодушія. Ничего поэтическаго не было въ этой натурѣ: „трагедія не нравится ей; комедія ей надоѣла, она не любитъ музыки; ея столъ самый неприхотливый; на игру она смотритъ только какъ на препровожденіе времени, въ садахъ ей нравится однѣ розы; словомъ, она любитъ только возводить постройки и повелѣвать своимъ дворомъ, ибо удовольствіе царствовать и играть роль въ мірѣ переходитъ у нея въ страсть [1]).

Французскій дипломатъ (Дюранъ), слова котораго я только что привелъ, очень вѣрно подмѣтилъ основную черту

[1]) P. Ст. 1896, IV, 185.

въ характерѣ Екатерины — властолюбіе. Поставивъ себѣ цѣлью, по пріѣздѣ въ Россію, добиться русской короны, она ни на шагъ не отступаетъ отъ этой задачи, даже въ самыхъ трудныхъ для себя обстоятельствахъ. „Сердце не предвѣщало мнѣ счастія; одно честолюбіе меня поддерживало. Въ глубинѣ души моей было, не знаю, что-то такое, ни на минуту не оставлявшее во мнѣ сомнѣнія, что рано или поздно я добьюсь того, что сдѣлаюсь самодержавною русскою императрицей [1]). Для достиженія этой великой цѣли Екатерина готова была жертвовать всѣмъ, даже личнымъ самолюбіемъ. „Я показывала большую почтительность матушкѣ (которой не любила), безпредѣльное послушаніе императрицѣ (которой боялась), отличную внимательность вел. князю (котораго презирала)". „Я старалась снискать расположеніе всѣхъ вообще большихъ и малыхъ; никто не былъ забытъ мною, я поставила себѣ правиломъ думать, что я нуждаюсь во всѣхъ, и всячески пріобрѣтать общую любовь, въ чемъ и успѣла [2]).

Когда честолюбивыя мечты Екатерины осуществились, то ея властолюбіе перешло въ самовластіе „Ничто ей не можетъ быть досаднѣе — говоритъ кн. Щербатовъ, — какъ то, когда, докладывая ей по какимъ дѣламъ, въ сопротивленіе воли ея законы поставляютъ, и тотчасъ отвѣтъ отъ нея вылетаетъ: „развѣ я не могу, не взирая на законы, сего учинить?" Для примѣра авторъ трактата „О поврежденіи нравовъ" указываетъ нѣсколько случаевъ самовластія Екатерины, изъ которыхъ малѣйшій состоитъ въ томъ, что она отказалась утвердить въ чинѣ при выходѣ въ отставку одного генералъ-майора, когда законъ повелѣвалъ произвести его въ чинъ [3]).

На почвѣ же удовлетвореннаго честолюбія выросло и непомѣрное тщеславіе Екатерины. «Тщеславіе — ея божество;[4]) таково впечатлѣніе, вынесенное Іосифомъ II изъ личнаго знакомство съ императрицей. Сама Екатерина признавалась, что любитъ «жить на людяхъ» [5]). Въ этомъ случаѣ отчасти сказывалось и самочувствіе женщины, привыкшей всюду

[1]) Записки Екатерины, Р. Стар. 1906, VII, 30.
[2]) Ibid. 25, 28.
[3]) Р. Стар. 1871, т. III, с. 681—2.
[4]) Брикнеръ Исторія Екатерины II, с. 708 (СПБ. 1885).
[5]) Сборн. т. XXIII, с. 77.

встрѣчать поклоненіе. «Надо её пощекотать», говорилъ Іосифъ II своему канцлеру, — иначе съ Екатериной нельзя было обдѣлать никакого дѣла. Отсутствіе вниманія сильно задѣвало Екатерину. «Какое тупоуміе»!—не удержалась она отъ публичнаго выраженія своей досады, когда населеніе Москвы встрѣтило молчаніемъ объявленіе правительства объ уменьшеніи налога на соль [1]). Большинство шумныхъ начинаній Екатерины — отъ „Наказа" до Крымскаго проэкта — обязано своимъ происхожденіемъ именно тщеславію; поэтому, какъ только они удовлетворяли своему главному назначенію, ихъ снимали съ очереди, и этимъ начинаніямъ никогда не суждено было претвориться въ дѣла. „Всѣ ея дѣйствія—говоритъ Кольберонъ объ Екатеринѣ—отмѣчены самолюбіемъ, и воля ея направлена къ тому, чтобы царствовать, скорѣе въ Европѣ при помощи репутаціи, которая будетъ лишь мимолетною, чѣмъ въ собственной странѣ путемъ солиднаго добра, которое она могла бы совершить безъ хвастовства, но за то основательно [2]). И нужно сознаться, что Екатерина была мастеръ пускать пыль въ глаза...

Властолюбіе, честолюбіе и тщеславіе не обратили Екатерину въ скелетъ, изсушенный жаждой этихъ отвлеченныхъ удовольствій. Она была и осталась натурой сочной, исполненной чувственныхъ желаній. Многіе осуждали за это Екатерину, и даже самъ державный внукъ, императоръ Николай, называлъ её „черной" женщиной; но такъ какъ чувственность Екатерины никого не дѣлала несчастнымъ, то съ меня довольно тѣхъ объясненій, которыми она оправдываетъ свое поведеніе передъ потомствомъ. Вотъ они: „Я получила отъ природы великую чувствительность и наружность, если не прекрасную, то во всякомъ случаѣ привлекательную: я нравлюсь съ перваго же раза... стало быть, половина искушенія заключалась уже въ этомъ самомъ; вторая половина въ подобныхъ случаяхъ естественно слѣдуетъ изъ самаго существа человѣческой природы, потому что идти на искушеніе и подвергнуться ему—очень близко одно отъ другого. Хотя въ головѣ запечатлѣны самыя лучшія правила нравственности, какъ скоро примѣшивается и является чувст-

[1]) Р. Ст. 1896, IV, 128.
[2]) Р. Ст. 1902, VII, с. 142; Дневникъ, с. 147 (изд. Булгакова).

вительность, то непремѣнно очутишься неизмѣримо дальше, нежели думаешь. Я, по крайней мѣрѣ, не знаю до сихъ поръ, какъ можно предотвратить это. Можетъ быть, скажутъ, что есть одно средство—избѣгать, но бываютъ случаи, положенія, обстоятельства, гдѣ избѣгать невозможно; въ самомъ дѣлѣ, куда бѣжать, гдѣ найти убѣжище, какъ отворачиваться посреди двора, который перетолковываетъ малѣйшій поступокъ. Итакъ, если вы не бѣжите, то, по моему, нѣтъ ничего труднѣе, какъ уклониться отъ того, что вамъ существенно нравится. Повѣрьте, все, что вамъ будутъ говорить противъ этого, есть лицемѣріе и основано на незнаніи человѣческаго сердца. Человѣкъ не властенъ въ своемъ сердцѣ; онъ не можетъ по произволу сжимать его въ кулакъ и потомъ опять давать свободу [1]).

Обыкновенно, если чувственность найдетъ доступъ къ сердцу человѣка, то она его совершенно покоряетъ себѣ, отвлекая отъ обычныхъ занятій,— съ Екатериной этого не случилось. Усердно отправляя служеніи Кипридѣ, она въ то же время продолжала заниматься государственными дѣлами, обнаруживая въ этомъ отношеніи рѣдкое постоянство. Вотъ какъ сама Екатерина описываетъ свое времяпровожденіе въ письмѣ къ своей пріятельницѣ, m-me Жоффренъ: „Я встаю аккуратно въ 6 час. утра, читаю и пишу одна до 8; потомъ приходятъ ко мнѣ читать разныя дѣла; всякій, кому нужно говорить со мной, входитъ поочередно, одинъ за другимъ; такъ продолжается до 11 час. и далѣе; потомъ я одѣваюсь. По воскресеньямъ и праздникамъ иду къ обѣднѣ; въ другіе же дни выхожу въ пріемную залу, гдѣ обыкновенно дожидается меня множество народа; поговоривъ $^1/_2$ час. или $^3/_4$ часа, я сажусь за столъ; по выходѣ изъ-за стола являются гадкій генералъ (Бецкій), чтобы читать наставленія; онъ беретъ книгу, а я свою работу. Чтеніе наше, если его не прерываютъ пакеты съ письмами и др. помѣхи, длится до 5 час. съ половиною; тогда или я иду въ театръ, или играю, или болтаю съ кѣмъ-нибудь до ужина, который кончается до 11 час.; затѣмъ я ложусь и на другой день повторяю то же самое, какъ по нотамъ [2]) Это писано въ началѣ царствованія Екатерины; но такимъ же оставалось

[1]) Записки IX, 31.
[2]) Сборн. Русск. Ист. Общ. т. I, 261.

времяпровожденіе императрицы и подъ конецъ ея царствованія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ записки ея статсъ-секретаря Грибовскаго. За всѣмъ тѣмъ на русскомъ престолѣ найдется не одинъ государь, своимъ трудолюбіемъ превосходившій Екатерину: въ распредѣленіи времени потребности ея пола занимали далеко не послѣднее мѣсто.

Во время, „свободное отъ подвиговъ духовныхъ", Екатерина любила повеселиться и даже — подурачиться. Для этого у нея былъ свой избранный кружокъ, состоявшій изъ лицъ, обыкновенно ничѣмъ не блиставшихъ, кромѣ своей заразительной веселости; Левъ Нарышкинъ былъ коноводомъ этого кружка. Это тотъ самый „чудакъ", о которомъ Екатерина разсказываетъ въ своихъ Запискахъ. Когда она была только „соломенной" вдовой, Левъ Нарышкинъ забрался на ея постель и притворился спящимъ. Заставъ его въ такомъ положеніи, Екатерина рѣшила на будущее время проучить смѣльчака: пригласивъ съ собой нѣсколькихъ дамъ, она вооружилась съ ними крапивой, и всѣ вмѣстѣ такъ обстрекали несчастнаго, что онъ въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣ того не рисковалъ показаться ко двору. Впрочемъ, это была только шутка, и Левъ Нарышкинъ продолжалъ дальше исполнять отвѣтственную должность придворнаго шута у Екатерины, а иногда на его долю выпадало и нѣчто побольше... Но этотъ чудакъ не могъ вести многосложнаго разговора: свои каламбуры онъ приберегалъ на тотъ случай, когда бесѣда грозила прерваться; за поддержаніемъ же разговора Екатерина обращалась къ другимъ; остроумному австрійскому послу Кобенцелю, изящному принцу де-Линю, галантному гр. Сегюру либо еще къ кому-нибудь, уже изъ своихъ приближенныхъ. Екатерина вообще была на этотъ счетъ не особенно взыскательна: она готова была одинаково хохотать, какъ по поводу удачной, такъ и неудачной шутки—собственной ея веселости хватало на всѣхъ. Будучи еще великой княгиней, Екатерина забавлялась „кошачьими" концертами. Для этого она приглашала князя Дашкова, также ничего не смыслившаго въ музыкѣ, и вдвоемъ они составляли концертъ, по словамъ княгини Дашковой, „самый дикій и невыносимо раздиравшій уши", — и оба были очень довольны другъ другомъ, съ комической важностью

разыгрывая великихъ артистовъ. Въ другое время, для забавы, Екатерина старалась подражать мяуканью кошки и блеянью овцы, всегда придумывая на половину комическія и сантиментальныя выраженія, сообразно случаю; иногда вспрыгивая, подобно злой кошкѣ, она нападала на перваго мимопроходившаго, растопыривая руку въ видѣ лапы и завывая такъ рѣзко, что на мѣстѣ Ея Величества былъ виденъ забавный паяцъ [1]). Съ годами, однако, забавы Екатерины становились серьезнѣе; во время Крымскаго путешествія, напр., она занималась стихотворствомъ, хотя неудачно: какъ ни бился гр. Сегюръ, но за цѣлую недѣлю не могъ внушить императрицѣ понятія о стихотворномъ строѣ, хотя и заслужилъ отъ нея титулъ „перваго поэта Франціи“ [2]).

Эта жизнерадостная натура, разумѣется, не давала мѣста пессимизму —Екатерина всѣхъ поражала и удивляла своимъ оптимизмомъ. Въ ея государствѣ все обстоитъ благополучно: если гдѣ-нибудь, на далекой окраинѣ, какой-нибудь губернаторъ, можетъ случиться, и позволяетъ себѣ лишнее, тѣмъ хуже для него: онъ за это понесетъ заслуженное наказаніе [3]). Неудачи ее не безкуражили: она была увѣрена, что рано или поздно восторжествуетъ надъ своими врагами; вотъ почему она безъ колебанія предписываетъ князю Потемкину взять Очаковъ, а адмиралу Грейгу— разбить шведскій флотъ, съ которымъ даже этотъ искусный морякъ не могъ справиться. Неизмѣнное счастье поддерживало эту слѣпую самоувѣренность императрицы; когда же подъ конецъ оно стало измѣнять ей, то Екатерина склонна была приписывать эту перемѣну обстоятельствъ своей старости: „стара ли я стала, что не могу найти рессурсовъ, или другая причина нынѣшнимъ затрудненіямъ?“ [4]) Внимая голосу льстецовъ, среди которыхъ Вальтеръ кричалъ громче всѣхъ, Екатерина, повидимому, увѣрена была въ своей универсальной геніальности: она сама всѣмъ управляетъ и все можетъ; въ случаѣ надобности (какъ это было въ Шведскую войну) она можетъ съ успѣхомъ командовать даже

[1]) Записки Дашковой, Р. Ст. 1906, IV, с. 22.
[2]) Сегюръ Записки, с. 162.
[3]) Ligne, «Портретъ» Екатерины.
[4]) Храповицкій Записки. с. 284.

арміей и флотомъ [1]). Въ этомъ самоослѣпленіи Екатерина не допускала даже и мысли, что можетъ ошибаться въ чемъ-нибудь: если были ошибки, то это помимо нея. «Я испытала и большія невзгоды—признается она, — но это произошло отъ ошибокъ, въ которыхъ я не имѣла никакого участія, а можетъ быть оттого, что предписанное мною исполнялось не въ точности [2]). Что сказала бы Екатерина, еслибъ ей удалось прочитать письмо, которое въ это время писалъ въ своемъ кабинетѣ ея любимый внукъ — и предполагаемый наслѣдникъ? «Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ» [3]). Это было писано почти за годъ до смерти Екатерины.

Наружность Екатерина имѣла, „если не прекрасную, то во всякомъ случаѣ привлекательную". Это была женщина средняго роста, шатенка, съ голубыми глазами, ласково выглядывавшими изъ-подъ черныхъ бровей; высокій лобъ, между двухъ висковъ, по словамъ де-Линя, вмѣщавшій весь Петербургскій кабинетъ [4]), свидѣтельствовалъ о значительномъ интеллектуальномъ развитіи его обладателя; греческій носъ придавалъ бы бѣлому, довольно свѣжему лицу Екатерины выраженіе нѣкоторой строгости, если бы всегдашняя улыбка на устахъ не смягчала его выраженія. Тонкая талія, украшенная высокимъ бюстомъ, съ теченіемъ времени стала обнаруживать тенденцію къ полнотѣ; женскій костюмъ отлично оттѣнялъ всѣ достоинства этой фигуры, но и въ мужскомъ нарядѣ она была великолѣпна. Императрица имѣла величественную осанку, важную, но твердую поступь и мужской голосъ, не совсѣмъ гармонировавшій съ ея любезностью. „Царственная жена"—таковъ былъ общій голосъ современниковъ.

Вотъ эта личность. Но сочетаніе сильнаго характера, практическаго ума и изряднаго благодушія еще не составляетъ генія, — Екатерина ни съ какой стороны не была геніальной. Доказательствомъ тому — ея дѣятельность въ

[1]) ibid с. 308, 345.
[2]) Сбор. т. XIII, Введеніе, с. XII.
[3]) Шильдеръ. Императоръ Павелъ I, с. 264; ср. 368.
[4]) Сегюръ. Записки, с. 189.

качествѣ государыни. Въ обзорѣ этой дѣятельности мы остановимся на политикѣ внѣшней и внутренней, выдѣливъ въ послѣдней законодательство и управленіе, съ болѣе подробнымъ освѣщеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сторонъ государственной жизни.

II.

Внѣшняя политика.

Внѣшняя политика есть наиболѣе блестящая страница Екатерининскаго царствованія, которая, можно сказать, покрывала своимъ блескомъ и темныя его стороны. Sturm und Drang—таковы были принципы этой политики, причинявшей не мало хлопотъ русскимъ министрамъ. „У насъ считаютъ —ворчалъ Безбородко, — что всѣ по нашей дудкѣ плясать должны, и если бы не привычка иногда и съ огорченіемъ переносить все и выдерживать первую пыль съ твердостью, то Богъ знаетъ, какъ бы и иное пошло» [1]). Въ царствованіе Екатерины было затронуто нѣсколько очень важныхъ вопросовъ внѣшней политики, продиктованныхъ самымъ ходомъ русской исторіи; одни изъ нихъ въ большей или меньшей части были разрѣшены уже ея предшественниками (Балтійскій), другіе поставлены къ разрѣшенію (Черноморскій), третьи, наконецъ, самой Екатеринѣ пришлось поставить на очередь (Польскій и Ближневосточный). Посмотримъ, какъ каждый изъ этихъ вопросовъ разрѣшался правительствомъ Екатерины.

А. **Балтійскій вопросъ** — состоялъ въ томъ, чтобы придвинуть границы Имперіи къ восточнымъ берегамъ Балтійскаго моря на протяженіи, по крайней мѣрѣ, отъ устья р. Торнео по устье Вислы, которое, вмѣстѣ съ остальнымъ теченіемъ этой рѣки, по естественному порядку вещей, должно находиться въ однѣхъ рукахъ, именно нашихъ. Послѣ разныхъ пертурбацій Петръ Великій прорубилъ, наконецъ, „окно“ въ Европу, но этого окна оказалось мало для Россіи — нужна была широкая и открытая „дверь“. Елисавета продолжаетъ дѣло своего отца—расширяетъ его завоеванія въ Финляндіи до р. Кюмени (по Абосскому миру),

[1]) Архивъ кн. Воронцова, т. XIII, № 97.

а на юго-западѣ пріобрѣтаетъ у Фридриха Великаго восточную Пруссію, съ выходами въ море черезъ Данцигъ и Кенигсбергъ. Петръ III отказывается отъ этихъ пріобрѣтеній въ пользу Фридриха, но русскія войска продолжаютъ занимать восточную Пруссію—въ качествѣ союзниковъ. Этотъ оборотъ внѣшней политики Екатерина, при вступленіи на престолъ, объявляетъ тягчайшимъ преступленіемъ своего мужа противъ усыновившей его Россіи и все же „даритъ" восточную Пруссію своему „злодѣю" — Фридриху II. Пріобрѣтеніемъ Екатерининскаго царствованія на Балтійскомъ побережьи была только Курляндіи, съ паденіемъ Польши перешедшая въ русское подданство; но борьба со Швеціей за Финляндію окончилась позорнымъ Верельскимъ миромъ, по которому Россія обязалась уплачивать шведскому королю ежегодно въ теченіе 8 лѣтъ по 300 т. руб., не считая предварительной взятки [1]). Такимъ образомъ, Балтійскій вопросъ былъ рѣшенъ правительствомъ Екатерины неудовлетворительно, хотя могъ бы получить и болѣе удачное разрѣшеніе.

В. **Черноморскій вопросъ** — его нужно разсматривать въ двухъ моментахъ: первый заключается въ томъ, чтобы завоевать силою оружія азовско-черноморскія степи, вмѣстѣ съ Крымскимъ полуостровомъ; за этимъ долженъ слѣдовать второй моментъ—неустанной работы по части заселенія этого богатѣйшаго края и пріобщенія его къ культурной жизни. До Екатерины Черноморскій вопросъ ставился въ своей начальной стадіи—рѣчь шла только о завоеваніи Черноморья, какъ гнѣзда разбойниковъ; но и эта цѣль не была выполнена, ибо походы Голицына (при царевнѣ Софіи) оказались совершенно неудачными, а побѣды Миниха и Ласси (при Аннѣ Іоанновнѣ)—почти что безплодными. Только при Екатеринѣ, благодаря неурядицамъ, царившимъ въ Турецкой имперіи, Россія добилась, наконецъ, присоединенія Крыма со всѣмъ азовско-черноморскимъ побережьемъ, послѣ чего явилась возможность заняться и культурной дѣятельностью въ этихъ вновь присоединенныхъ областяхъ. Правительство энергично принялось за работу, и хотя результаты ея далеко не были столь блестящи, какъ это представлялось Екатеринѣ во время Крымскаго путешествія, но все же эти пустыни начали принимать благоустроенный видъ: появились

[1]) Храповицкій Записки, с. 380.

города, пристани, села, на Черномъ морѣ взвился Андреевскій флагъ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что Черноморскій вопросъ правительство Екатерины разрѣшило удачно, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько это было въ его силахъ.

C. **Польскій вопросъ.** Возникъ онъ изъ соперничества Москвы и Литвы за обладаніи южно- и западно-русскими областями; послѣ Люблинской уніи претензіи Москвы обращаются къ Речипосполитой, какъ наслѣдницѣ достоянія старой Литвы. Такъ какъ споръ велся за опредѣленную территорію, этнографически тяготѣвшую къ Москвѣ, то естественнымъ рѣшеніемъ этого вопроса было бы присоединеніе спорной территоріи къ Россійской имперіи, оставивъ ослабленную Польшу въ ея этнографическихъ границахъ въ качествѣ буффера между Россіей и Германіей, или, если ужъ ей было „въ предвѣчномъ суждено совѣтѣ“ потерять свою самостоятельность, то Галиція во всякомъ случаѣ, должна была отойти къ Россіи. Итакъ, Польскій вопросъ правительствомъ Екатерины рѣшенъ не вполнѣ удачно и нуждается еще въ дополненіи.

D. **Ближне-восточный вопросъ** — онъ состоялъ въ томъ, чтобы поднять противъ Турціи балканскіе народы, поддержать ихъ въ борьбѣ съ султаномъ и, поставивъ договорами въ болѣе независимое положеніе, обезсилить такимъ образомъ противника въ его собственныхъ владѣніяхъ, скрѣпивъ вмѣстѣ съ тѣмъ связь Россіи съ южными славянами и православными греками. Вмѣсто того, Екатерина задумала совершенно изгнать турокъ изъ Европы, образовавъ изъ балканскихъ народовъ особое княжество, съ Константинополемъ во главѣ, для своего внука Константина Павловича; когда же эта мечта, не безъ вины и самого правительства, оказалась неосуществимой, то оставили и то, что было уже достигнуто на Балканахъ: поднятые противъ турокъ греки были предоставлены самимъ себѣ, чѣмъ престижъ Россіи на Балканахъ былъ сильно подорванъ.

Итакъ, въ общемъ, не смотря на частные промахи, внѣшняя политика Екатерины дала весьма существенные результаты. Результаты эти настолько существенны, что почти оправдываютъ имя Великой, если его относить къ характеристикѣ не личности, а царствованія. Тѣмъ не ме-

нѣе, хотя, по пословицѣ, побѣдителя не судятъ — не въ цѣляхъ осуждать, но для возстановленія истины—Екатерину нельзя назвать хорошимъ политикомъ. Какъ женщинѣ, въ политикѣ ей не доставало выдержки; вмѣсто того, чтобы дѣйствовать осмотрительно и постепенно, разрѣшая каждый вопросъ самъ по себѣ, въ отдѣльности, она мѣшаетъ ихъ въ кучу, принимая на себя одновременно войну со Швеціей, Турціей и Польшей, при явномъ недоброжелательствѣ Англіи и Пруссіи и вялой поддержкѣ со стороны Австріи. Въ выборѣ момента для заключенія мира Екатерина также не всегда была счастлива—часто наиболѣе выгодные моменты упускались и приходилось потомъ останавливаться на менѣе выгодныхъ. Въ теченіи Шведской войны былъ, напр., моментъ, когда Финны склонялись на сторону Россіи, а регулярная армія отказывалась вести наступленіе; но Екатерина, желая, изъ чисто женской мести, насолить лично Густаву III (ограничивъ его власть сеймомъ), продолжала войну—и вынуждена была капитулировать въ Верельской долинѣ. Отсюда окончательный выводъ: Россія въ царствованіе Екатерины потратила на разрѣшеніе очередныхъ политическихъ задачъ больше энергіи, чѣмъ это нужно было, при экономномъ ея распредѣленіи; или, съ другой точки зрѣнія — при той суммѣ энергіи, которая была затрачена государствомъ, еслибъ ее расходовать цѣлесообразно, можно было бы достигнуть еще большихъ результатовъ во внѣшней политикѣ.

III.

Внутренняя политика.

A.

Когда характеризуютъ внутреннюю политику Екатерины, то обыкновенно говорятъ о либеральности императрицы, выразившейся въ ея „Наказѣ“ и многочисленныхъ мелкихъ замѣткахъ, добродушно принимаемыхъ за чистую монету: либерализмъ будто бы и есть настоящая стихія Екатерины. Однако дальше слѣдуетъ „но“, за которымъ скрывается реальная политика Екатерины, далеко не соотвѣтствующая

ея теоретическимъ построеніямъ. Чѣмъ же объяснить такое несоотвѣтствіе? Объясняется-де это неблагопріятной средой, въ которой преломились эти либеральныя построенія, причемъ здѣсь-то и произошло ихъ извращеніе. Средой въ данномъ случаѣ было крѣпостническое дворянство, которое возвело Ангальтъ-Цербстскую принцессу на русскій престолъ, и отъ котораго она, естественно, зависѣла. Это ходячее представленіе, повторяемое почти всѣми учеными и закрѣпленное учебникомъ, по крайней мѣрѣ на половину ошибочно. Конечно, Ангальтъ-Цербстская принцесса была возведена на престолъ дворянской гвардіей, и, конечно, она зависѣла отъ перваго сословія; но мы не видимъ, чтобы Екатерина боролась за осуществленіе своихъ либеральныхъ принциповъ; напротивъ, у насъ есть данныя утверждать, что Екатерина самыми корнями своихъ убѣжденій была тѣсно связана съ реакціей. „Республиканка“ на словахъ, она не желаетъ считаться съ силою законовъ; „аристократка“ въ душѣ, она чувствуетъ великую склонность чтить древніе роды, ей тяжело видѣть ихъ обреченными почти на нищенство и пріятно возстановлять ихъ [1]). Ключемъ къ разъясненію этой двойственности можетъ служить отвѣтъ Екатерины на вопросъ Дидро: почему она не слѣдуетъ совѣтамъ, которые такъ благосклонно отъ него выслушиваетъ? „Г. Дидро — сказала ему Екатерина: я съ большимъ удовольствіемъ выслушала все, что Вамъ внушилъ Вашъ блестящій умъ. Но Вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, дѣйствовать же по нимъ плохо. Составляя планы разныхъ преобразованій, Вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы трудитесь на бумагѣ, которая все терпитъ: она гладка, мягка и не представляетъ затрудненій ни воображенію, ни перу Вашему; между тѣмъ, какъ я, несчастная императрица, тружусь для простыхъ смертныхъ, которые чрезвычайно чувствительны и щекотливы“ [2]). Въ этихъ словахъ Екатерины заключается приговоръ ея собственнымъ либеральнымъ идеямъ.

Начало Екатерининскаго царствованія все же открывается чрезвычайно либеральной мѣрой, которую многіе принимали за прологъ къ русской конституціи — созывомъ за-

[1]) Сбор. т. VII, с. 83; ср. ibid. XXIII, с. 77; Записки Сегюра, с. 384.
[2]) Записки Сегюра, с. 150.

конодательной Коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія по предначертаніямъ, изложеннымъ Екатериной въ ея большомъ „Наказѣ“.

XVIII вѣкъ характеризуется возбужденіемъ теоретической мысли, разрѣшившимся признаніемъ всемогущества разума. Вопросы государственнаго строительства въ эту пору выступаютъ на главный планъ, и сочиненія, имъ посвященныя, съ интересомъ читаются и изучаются не только публикой, но и монархами; послѣдніе открыто заявляютъ себя сторонниками просвѣтительной литературы, отчего и самый вѣкъ, кромѣ названія „эпохи просвѣщенія“, называется еще „эпохой просвѣщеннаго абсолютизма“. Въ числѣ этихъ просвѣщенныхъ монарховъ была и Екатерина.

Обстоятельства, съ которыми она ежедневно сталкивалась, навели Екатерину на мысль заняться улучшеніемъ и упорядоченіемъ русскаго законодательства; но такъ какъ это законодательство предполагалось въ достаточной степени варварскимъ, а самая кодификація его — работой слишкомъ кропотливой и скромной, то императрица рѣшила создать совершенно новое уложеніе, на основаніи началъ, которыя она вычитала изъ сочиненій Монтескье, Беккарія, Бильфельда, Энциклопедистовъ и др. При этомъ законодательница руководствовалась такимъ умозаключеніемъ: Россія въ основѣ своей страна европейская, слѣд., „европейскія“ начала, т. е. начала европейскихъ мыслителей должны придтись ей какъ разъ по мѣркѣ. Эти начала были формулированы Екатериной въ краткихъ положеніяхъ, приведены въ систему и такимъ образомъ получился „Наказъ коммиссіи для сочиненіи проэкта новаго уложенія“. Въ этомъ произведеніи нѣтъ ничего самостоятельнаго, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ статей, не имѣющихъ большого значенія. Съ этой стороны сама императрица очень вѣрно охарактеризовала свою работу, говоря: „Я поступила, какъ ворона басни, сдѣлавшая себѣ платье изъ павлиньихъ перьевъ. Во всемъ трудѣ мнѣ принадлежитъ лишь распредѣленіе предметовъ по статьямъ и въ разныхъ мѣстахъ то строчка, то слово; если бы собрали все, прибавленное туда мною, я не думаю, что вышло бы свыше двухъ, трехъ листовъ. Большая часть извлечена изъ „Духа законовъ“ президента Монтескье и изъ сочиненія „О преступленіяхъ и

наказаніяхъ» Беккарія [1]). Значеніе „Наказа“ заключается не въ его оригинальности, а въ тѣхъ новыхъ принципахъ, которые съ высоты престола были объявлены достойными человѣчества [2]). Вотъ основные изъ нихъ: власть создана для народа, а не народъ для власти; въ государствѣ долженъ господствовать законъ, а не произволъ; свобода совѣсти и слова необходима и полезна; крѣпостное право вредно и безчеловѣчно; наказаніе должно быть болѣе исправительнымъ, чѣмъ карательнымъ средствомъ; воспитаніе— дѣло первѣйшей государственной важности.

„Наказъ“ не имѣлъ силы закона. Это было только руководство, данное Коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія. Центръ тяжести такимъ образомъ переносился въ законодательную коммиссію. Что же представляла изъ себя эта послѣдняя? Законодательная коммиссія состояла изъ 564 выборныхъ отъ сословій, племенъ, мѣстностей и государственныхъ учрежденій. Выборные получали отъ своихъ выборщиковъ опредѣленныя инструкціи — „наказы“, по которымъ должны были дѣйствовать. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ дѣятельность коммиссіи распалась на два отдѣла: съ одной стороны, нужно было заняться разборкой матеріаловъ, заключавшихся въ депутатскихъ наказахъ; съ другой стороны, приходилось обсуждать предложенія, вносившіяся депутатами въ общее собраніе. Первая работа была кропотлива и требовала времени; вторая, за отсутствіемъ плана и подготовительныхъ матеріаловъ, оказалась безпочвенной, и въ результатѣ законодательная коммиссія, просуществовавъ $1\frac{1}{2}$ года, разошлась, не выработавъ ни одного закона. Такимъ образомъ, непосредственная цѣль, для которой была созвана эта коммиссія, не осуществилась; но нельзя сказать, чтобы для жизни страны она прошла совершенно безслѣдно—слѣды оказались. Вотъ какъ оцѣниваетъ значеніе законодательной коммиссіи сама Екатерина: „Коммиссія уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части собрала и разобрала по матеріямъ и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы Турецкая война не началась [3])... Кромѣ того, законодательная коммиссія ввела на-

[1]) Сбор. т. XX, с. 236—7.
[2]) ibid. т. X, с. 167—8.
[3]) ibid. т. XXVII, с. 176.

селеніе въ кругъ общегосударственныхъ интересовъ и такимъ образомъ положила начало общественному мнѣнію по вопросамъ государственнаго правопорядка.

Послѣ коммиссіи остался документальный матеріалъ — это депутатскіе наказы и проэкты, выработанные подкомиссіями. Этимъ сырымъ матеріаломъ правительство воспользовалось, чтобы издать нѣсколько законовъ, касающихся главнымъ образомъ сословнаго быта.

Екатеринѣ очень импонировалъ сословный строй на манеръ французскаго, который она рѣшила, наканунѣ революціи, завести и въ Россіи. „Я заведу у себя въ имперіи всякаго рода сословія—пишетъ она въ 1765 г. m-me Жоффренъ: я вполнѣ сознаю достоинства вашего строя и потому не могу не пожелать, чтобы мои правнуки имѣли у себя добрыхъ друзей [1]). Эти добрые друзья—опора престола —дворянство; его Екатерина ставитъ впереди двухъ другихъ сословій, которыя существенно отъ него отличны. «Земледѣльцы живутъ въ селахъ и деревняхъ и обрабатываютъ землю, изъ которой произростающіе плоды питаютъ всякаго состоянія людей, и сей есть ихъ жребій; въ городахъ живутъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, въ торговлѣ, въ художествахъ и наукахъ: дворянство (же) есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены: добродѣтель съ заслугою выводятъ людей на степень дворянства [2]). Словомъ, дворянство—это есть благородное сословіе; какъ таковое, оно не должно быть, конечно, прикрѣплено къ какому-нибудь тяглу — оно должно быть свободнымъ отъ всякихъ обязательныхъ повинностей. Такимъ образомъ, Екатерина пришла къ мысли о необходимости раскрѣпощенія дворянства, мысли прямо противоположной духу Петровскаго законодательства. Петръ В. заставлялъ всѣ сословія служить государству, каждое по-своему; Екатерина освобождаетъ дворянство отъ обязанностей (военной) службы, полагаясь, впрочемъ, на сознаніе имъ своего гражданскаго долга; въ этомъ отношеніи она слѣдуетъ своему предшественнику, отъ котораго всячески хотѣла бъ откреститься. По жалованной грамотѣ россійское дворянство получило свободу распоряжаться своей

[1]) Сбор. т. I, с. 275.
[2]) «Наказъ», §§ 358—360 (изд. Акад. Наукъ, 1907 г.).

личностью и имуществомъ по собственному усмотрѣнію; всякіе личные платежи въ пользу государства и тѣлесныя наказанія отмѣнялись, и дворянство получило, сверхъ того, еще права корпораціи. Десятью годами раньше, по «Учрежденію о губерніяхъ", дворянство получило свой собственный судъ—верхній земскій и уѣздный, тѣмъ же актомъ за нимъ обезпечено командующее положеніе въ судебныхъ палатахъ (уголовной и гражданской), а также въ областномъ (губерн. правленіе) и мѣстномъ (нижній земскій судъ) управленіи. Словомъ, въ царствованіе Екатерины дворянство достигло всего, чего только оно можетъ достигнуть въ сословной монархіи, и въ дальнѣйшемъ его можно было развѣ ограничивать.

По мѣрѣ того, какъ усиливалось положеніе дворянства, крестьянство спускалось все ниже и ниже: этотъ питающій классъ сдѣлался питательнымъ. Мечты Екатерины объ освобожденіи крестьянъ при куплѣ-продажѣ [1]) или, по крайней мѣрѣ, объ улучшеніи ихъ положенія, „сдѣлавъ что-либо для собственнаго рабовъ имущества" и ихъ личности [2]) не помѣшали императрицѣ усилить крѣпостное право. Оно развивалось въ двухъ отношеніяхъ — количественномъ и качественномъ; въ количественномъ—путемъ оффиціальнаго закрѣпощенія посполитыхъ въ Малороссіи, въ качественномъ—дозволеніемъ помѣщику за «продерзостные поступки» ссылать своихъ крѣпостныхъ на каторгу, съ зачетомъ въ рекруты и съ правомъ обратнаго возвращенія (1765 г.), и запрещеніемъ крѣпостнымъ жаловаться на своихъ помѣщиковъ (1767 г.). Правда, правительство Екатерины издало нѣсколько распоряжкній и въ пользу крѣпостныхъ, напр., монастырскіе и церковные крестьяне были переданы въ вѣдѣніи коллегіи экономіи—мѣра важная, еслибъ ея дѣйствіе не парализовалось щедрой раздачей тѣхъ же экономическихъ крестьянъ, купно съ государственными, дворянству; затѣмъ, было запрещено свободнымъ и вольноотпущенникамъ записываться въ кабалу, загрещено совершать купчія на крѣпостныхъ за 3 мѣсяца до рекрутскаго набора, а также продавать безъ земли съ аукціона; питомцы воспитательныхъ домовъ освобождались отъ крѣпостной зависимости, которая прекращалась и

[1]) Сбор. т. VII, с. 84.
[2]) «Наказъ», главы XI, XII и XIII.

для тѣхъ, съ кѣмъ они вступали въ браки, и т. п.[1]) Всѣ эти мѣры въ пользу крестьянъ были, однако, не болѣе, какъ слабыми палліативами, которые не могли задержать дальнѣйшаго развитія крѣпостного права, не только путемъ закона, но и путемъ ежедневной практики. Въ концѣ концовъ сама законодательница должна была согласиться, что крѣпостной крестьянинъ потерялъ уже всѣ свойства человѣческой личности, обратился въ вещь, которая „заключается и должна заключаться въ числѣ имѣнія", подлежащаго куплѣ-продажѣ на томъ же основаніи, „какъ и прочее недвижимое имѣніе»[2]). И въ этомъ отношеніи законодательство Екатерины противорѣчило духу Петровскаго законодательства, признававшаго даже холоповъ членами государственнаго организма.

Третье сословіе по „Наказу" Екатерины, „живетъ въ городахъ и упражняется въ ремеслахъ, въ торговлѣ, въ художествахъ и наукахъ"[3]). До Екатерины, можно сказать, третьяго сословія у насъ не существовало, за малымъ количествомъ городовъ и слабымъ развитіемъ торговли. Руководясь примѣромъ Франціи и поощряемая своей пріятельницей, Екатерина задалась цѣлью завести въ Россіи «среднее сословіе". „Среднее сословіе будетъ существовать, если бы даже пришлось ему носить ваше имя (пишетъ императрица m-me Жоффренъ), такъ какъ вы убѣждены по опыту, что это сословіе—самое счастливое. Нужно будетъ создать его; это соображеніе меня скоро побудитъ дѣйствовать, такъ какъ я считаю осуществленіе его непремѣннымъ долгомъ моего сана"[4]). Для „разведенія" третьяго сословія Екатерина умножаетъ число городовъ (соображаясь при этомъ, впрочемъ, и съ административными нуждами), принимаетъ мѣры къ развитію торговли и промышленности и предоставляетъ (по «Городовому положенію») этому сословію право самоуправленія. Впрочемъ, не смотря на всѣ эти заботы, вслѣдствіе неблагопріятныхъ экономическихъ условій и самоуправства губернаторовъ, среднему сословію въ Россіи не суждено было процвѣтать: дворянство въ этомъ отношеніи пошло куда дальше! Но все-же это сословіе, можно сказать, народилось при Екатеринѣ, ея стараніемъ.

[1]) См. Семевскаго «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II».
[2]) Собр. законовъ, № 17076.
[3]) § 359.
[4]) Сбор. т. I, с. 286.

Итакъ, сословное законодательство Екатерины повело къ раскрѣпощенію дворянства, окончательному закрѣпощенію крестьянства и къ нарожденію третьяго сословія. Только въ послѣднемъ случаѣ Екатерина шла по стопамъ Петра В., также стремившагося къ поднятію городской жизни, больше, впрочемъ, въ интересахъ фиска, чѣмъ сословной политики.

Обращаюсь теперь къ управленію.

В.

Уже въ „Наказѣ“ мы встрѣчаемъ немало мыслей, относящихся къ управленію; еще больше ихъ разсѣяно въ письмахъ и замѣткахъ, манифестахъ и запискахъ современниковъ. Эти мысли никогда не были приведены въ систему ни самой Екатериной, ни кѣмъ-либо изъ изслѣдователей, а между тѣмъ онѣ въ общемъ не менѣе важны, чѣмъ столь прославленный „Наказъ“. Я постараюсь здѣсь представить сводку, какъ теоретическихъ положеній, такъ и практическихъ мѣропріятій Екатерины, относящихся къ этой области.

Въ одинъ черезчуръ откровенный моментъ Екатерина призналась, что она „въ душѣ республиканка“ [1]). а будучи еще вел. княгиней, она пѣла гимнъ свободѣ: „Свобода— душа всего на свѣтѣ; безъ тебя все мертво [2]). Но во всѣ моменты Екатерина не переставала твердить, что для Россіи необходимо самодержавіе. „Россія—пишетъ она въ наставленіи генералъ-прокурору — есть столь обширна, что кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей, ибо все прочее медлительнѣе въ исполненіяхъ, и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣетъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ [3]). Однако было бы ошибочно понимать Екатерину буквально: мысль о необходимости самодержавія для Россіи явилась у нея post hoc, источникомъ же этой мысли было ея самовластіе. Екатерина не желала терпѣть ограниченія своей власти ни извнутри, ни извнѣ, но въ то же время она желала сохранить за собой и славу либеральной монархини. Выходъ изъ этого положенія представлялся только одинъ— признать, что самодержавіе необходимо для блага Россіи.

[1]) Сбор. т. XXIII, с. 77.
[2]) Сбор. т. VII, с. 84.
[3]) ibie. с. 347; ср. „Наказъ“, гл. I.

Графъ Панинъ, какъ и многіе изъ его современниковъ, не понималъ этой психологіи. Полагаясь на либеральныя заявленія императрицы, онъ проэктировалъ учредить въ Россіи Государственный Совѣтъ, который, не ограничивая монархической власти по существу, сообщалъ бы ей легальныя формы проявленія, въ отличіе отъ деспотизма. [1]). Екатерина долго медлила съ осуществленіемъ этого проэкта, заставляя Панина вносить въ него тѣ или иныя измѣненія, пока, наконецъ, эта комедія ей не надоѣла — и недогадливый министръ получилъ отставку. Участь Панина пусть будетъ предостереженіемъ для тѣхъ ученыхъ, которые больше придаютъ значеніе громкимъ словамъ, чѣмъ дѣламъ: Екатерина, несомнѣнно, въ душѣ и на дѣлѣ была ярая монархистка, что она вполнѣ доказала и своимъ отношеніемъ къ французской революціи [2]).

Итакъ, во главѣ Россійской Имперіи должна стоять единая самодержавная власть. Но самая Имперія далеко не имѣетъ прочнаго единства; какъ же эта власть должна относиться къ отдѣльнымъ частямъ, входящимъ въ составъ этого разношерстнаго цѣлаго? Въ чемъ будутъ заключаться задачи здравой политики въ отношеніи этихъ частей?— Екатерина рѣшаетъ этотъ вопросъ очень осторожно и, нужно сказать, дипломатично. „Малая Россіи, Лифляндія и Финляндія — читаемъ въ „Наставленіи“ генералъ-прокурору — суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привиллегіями; нарушать оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бъ было, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостью. Сіи провинціи, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки въ лѣсу [3]). Самый легкій и основательный способъ сдѣлать изъ дикихъ волковъ добрыхъ друзей это — хорошеее управленіе. „Мы желаемъ — говорится въ наказѣ объ управленіи присоединенными отъ Польши областями,—чтобы не токмо сихъ провинцій земли силою оружія были намъ покорны, но чтобы вы сердца людей, въ оныхъ живущихъ, добрымъ, порядоч-

[1]) Сбор. т. VII, с. 200—221.
[2]) См. Записки Храповицкаго за время революціи.
[3]) Сбор. т. VII, 348.

нымъ, правосуднымъ, снисходительнымъ, кроткимъ и человѣколюбивымъ управленіемъ Россійской имперіи присвоили, дабы они сами причину имѣли почитать отторженіе свое отъ анархіи республики Польской за первый шагъ къ ихъ блаженству [1]) Централизмъ долженъ имѣть свои границы. Екатерина не хочетъ вовсе обезличить этнографическія разновидности: пусть каждая народность сохраняетъ свои нравы, обычаи, вѣру; не слѣдуетъ раздражать покоренные народы своимъ неуваженіемъ къ этимъ проявленіямъ ихъ духовной природы и быта. Однажды, во время Крымскаго путешествія, принцъ де-Линь и гр. Сегюръ нескромно подсмотрѣли татарокъ, не покрытыхъ чадрой, чѣмъ вызвали переполохъ среди магометанскихъ мужчинъ. Узнавъ объ этомъ, Екатерина сказала, величаво и строго взглянувъ на виновныхъ: „Господа, эта шутка ваша неумѣстна и можетъ послужить дурнымъ примѣромъ; вы посреди народа, покореннаго моимъ оружіемъ,—я хочу, чтобы уважали его законы, его вѣру, его обычаи и предразсудки [2]). Въ частности, къ религіи не только покоренныхъ народовъ, но и русскихъ сектантовъ, Екатерина относилась чрезвычайно терпимо. „Въ великомъ государствѣ — пишетъ она Вольтеру, — котораго владычество распространяется на столько различныхъ народовъ, на сколько есть различныхъ вѣрованій у людей, ошибкою самою вредною для покоя и тишины его гражданъ, будетъ нетерпимость къ ихъ различнымъ вѣрамъ. Только мудрая терпимость, одинаково признаваемая и православною вѣрою и политикою, можетъ привести этихъ заблуждшихъ овецъ къ истинному вѣрованію. Преслѣдованіе раздражаетъ умы, терпимость ихъ смягчаетъ и дѣлаетъ менѣе упорными, такъ какъ потушаетъ распри, которыя противны покою государства и союзу гражданъ [3]). Въ этомъ случаѣ дѣло императрицы не расходилось съ словомъ: она предписываетъ Новгородскому архіепископу Д. Сѣченову мѣры снисхожденія относительно тамошнихъ раскольниковъ [4]) и предлагаетъ изыскать способы для возвращенія въ Россію заграничныхъ ихъ собраній [5]), она вызываетъ въ Россію саксонскихъ гернгутеровъ [6]), а относи-

[1]) ibid. т. XIII, 242
[2]) Сегюръ, Записки, 219.
[3]) Сбор. т. X, с. 94, ср. »Наказа» §§ 494—6.
[4]) Сбор. т. X, с. 199—200.
[5]) Сбор. т. X, с. 259.
[6]) Сбор. т. VII, 268.

тельно магометанъ даже полагаетъ, что имъ лучше бы оставаться въ магометанствѣ, такъ какъ „многоженство болѣе полезно для умноженія населенія“ [1]).

Сама Екатерина не совсѣмъ чуждалась населенія. Въ первые годы своего правленія она возобновила даже старинный московскій обычай подачи челобитныхъ въ собственныя руки государя; но какъ отъ этого возникли большія неудобства, то, по представленію приближенныхъ, наблюдавшихъ тутъ и собственныя выгоды, ей пришлось впослѣдствіи отказаться отъ этого. Но когда императрицѣ случалось путешествовать, она дѣлала попытки вступить въ непосредственное общеніе съ населеніемъ. „Гораздо большое узнаешь —говорила она, — бесѣдуя съ простыми людьми о дѣлахъ ихъ, чѣмъ разсуждая съ учеными, которые заражены теоріями и изъ ложнаго стыда, съ забавною увѣренностію судятъ о такихъ вещахъ, о которыхъ не имѣютъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній [2]). Гр. Сегюръ порицалъ Екатерину за то, что она тратитъ понапрасну много времени на аудіенціи и празднества. На это ему императрица отвѣчала: „Я путешествую не для того только, чтобы осмотрѣть мѣстности, но чтобы видѣть людей... Мнѣ нужно дать народу возможность дойти до меня, выслушать жалобы и внушить лицамъ, которыя могутъ употреблять во зло мое довѣріе,— опасеніе, что я открою всѣ ихъ грѣхи, ихъ нерадѣніе и несправедливость“ [3]). Конечно, такой способъ узнавать грѣхи администраціи, которая напередъ удаляла отъ императрицы всѣ сомнительные элементы (какъ это всегда бываетъ), не часто могъ привести Екатерину къ познанію истины, но иногда—приводилъ. Такъ, напр., во время своего путешествія по Волгѣ, Екатерина, разспрашивая тамошнихъ крестьянъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ, узнавала о существованіи своеобразной подати стерлядьми, для конюшни императрицы; эта тяжелая дань обходилась имъ въ 2 т. руб. ежегодно. „Вы хорошо сдѣлали, что сказали мнѣ объ этомъ—отвѣчала императрица крестьянамъ: я не знала, что мои лошади ѣдятъ стерлядей». Эта странная подать была послѣ того уничтожена [4]). Императрица замѣтно старалась расположить

[1]) Сбор. VII, с. 85.
[2]) Сегюръ Записки, с. 147.
[3]) ibid. с. 154—5.
[4]) bid. с. 96.

въ свою пользу населеніе, правильно разсуждая, что власть безъ довѣренности народа ничего не значитъ [1]), и что „всегда государь виноватъ, когда подданные противъ него огорчены [2]). Когда, будучи въ Москвѣ, Екатерина узнала о голодѣ, постигшемъ нѣкоторыя восточныя провинціи по нераспорядительности губернаторовъ, она отказалась отъ дальнѣйшихъ увеселеній. „Неприлично было бы явиться мнѣ среди увеселеній и празднествъ, когда мои подданные страдаютъ отъ бѣдствія, которое я должна была предотвратить", — такъ она объяснила свой поступокъ гр. Сегюру. [3])

Всякая верховная власть, для приведенія въ исполненіе своихъ предначертаній, а часто—и въ помощь себѣ, нуждается въ спеціальныхъ органахъ, какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго управленія. Поэтому, говоря объ управленіи при Екатеринѣ II, нельзя обойти молчаніемъ вопроса объ органахъ этого управленія.

Во главѣ всѣхъ — *Сенатъ*, учрежденіе Петровское, но въ разное время имѣвшее разную силу, наибольшую — при Елисаветѣ, такъ что, по словамъ Екатерины, онъ, вмѣсто исполненія законовъ, ему предписанныхъ, „часто самъ выдавалъ законы, раздавалъ чины и достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ—почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ [4]). Дѣла въ сенатѣ вершились очень медленно, такъ какъ приговоры составлялись не по экстрактамъ, а по подлинникамъ, и раздѣленія на департаменты не было [5]). Екатерина рѣшила ввести дѣятельность сената въ ея нормальныя границы, но при этомъ не сумѣла удержаться на золотой серединѣ и сильно принизила этотъ высокій органъ, подчинивъ его своему генералъ-прокурору [6]) и постоянно вмѣшиваясь сама въ его компетенцію. Для ускоренія же и качественнаго улучшенія дѣлопроизводства сенатъ былъ раздѣленъ на шесть департаментовъ (четыре въ Петербургѣ и два въ Москвѣ), по роду дѣлъ [7]).

Коллегіи, учрежденныя Петромъ Великимъ, хотя въ боль-

[1]) Сбор. т. VII, с. 85.
[2]) ibid. т. X, с. 57.
[3]) Записки Сегюра, с. 237.
[4]) Сбор. т. VII, с. 347.
[5]) Сбор. XXVII, с. 170.
[6]) Сбор. т. VII, с. 345—8.
[7]) Сбор. VII, с. 279—280.

шинствѣ случаевъ продолжали существовать по имени, но по существу это были учрежденія не Петровскаго типа. Великій Преобразователь очень высоко цѣнилъ коллегіальный духъ учрежденій, долженствовавшихъ служить коррективомъ самодержавія; Екатерина предпочитала министерскій принципъ, подчинивъ коллегіи ихъ президентамъ, которые при ней часто и называются, по существу своей власти,— „министрами". (Александру I оставалось только оффиціально признать за ними уже утвердившееся въ обществѣ названіе и произвести нѣкоторую систематизацію въ распредѣленіи дѣлъ—получилось „Учрежденіе о министерствахъ"). Однако, и министры Екатерины, въ свою очередь, были лишены самостоятельности — въ пользу самой императрицы. Такимъ образомъ, самодержавный принципъ былъ ею проведенъ весьма послѣдовательно.

Когда Іоаннъ Грозный обратился къ старцу Вассіану за совѣтомъ, какъ нужно царствовать, то получилъ отвѣтъ: „не нужно держать совѣтниковъ умнѣе себя". Не знаю, у кого брала Екатерина уроки политической мудрости, но современники не безъ основанія говорили, что она сознательно избѣгаетъ привлекать къ участію въ управленіи талантливыхъ людей: за немногими исключеніями, всѣ ея министры были людьми посредственными, а иногда даже ниже посредственности, какъ, напр., генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій, котораго всѣ считали дуракомъ [1]). Обыкновенно Екатерина называла такихъ лицъ своими „учениками", что въ переводѣ на простой языкъ значитъ не болѣе приказчика, или секретаря. Министры Екатерины не должны были имѣть своей воли—ихъ дѣло безпрекословно исполнять приказанія своей повелительницы. На вопросъ Сегюра о тайнѣ ея власти, Екатерина отвѣчала: „Средства къ тому самыя обыкновенныя: я установила себѣ правила и начертала планъ; по нимъ я дѣйствую, управляю и никогда не отступаю. Воля моя, разъ выраженная, остается неизмѣнною. Такимъ образомъ все опредѣлено, каждый день походитъ на предыдущій. Всякій знаетъ, на что онъ можетъ разсчитывать, и не тревожится попустому. Если я кому-нибудь назначила мѣсто, онъ можетъ быть увѣренъ, что сохранитъ его, если только не сдѣлается преступникомъ. Такимъ путемъ я устраняю

[1]) Записки Храповецкаго, с. 323.

всякій поводъ къ безпокойствамъ, доносамъ, раздорамъ и совмѣстительству [1]). Однако, и при обширномъ умѣ государь можетъ ошибиться въ своемъ выборѣ,—какъ же поступала въ подобныхъ случаяхъ Екатерина? „Ошиблась—такъ что же? Я бы его (министра) оставила на мѣстѣ: вѣдь не онъ былъ виноватъ, а я, потому что выбрала его. Но только я поручила бы дѣла одному изъ его подчиненныхъ, а онъ остался бы на своемъ мѣстѣ, при своихъ титулахъ [2]). Въ такомъ положеніи, дѣйствительно, оказался при Екатеринѣ вице-канцлеръ Остерманъ, завѣдывавшій, по своей должности, коллегіей иностранныхъ дѣлъ: этотъ министръ узнавалъ о ходѣ дипломатическихъ сношеній уже послѣ всѣхъ, за спиной своего подчиненнаго—Безбородки, который одинъ только и былъ у Екатерины всамдѣлишнимъ министромъ.

„Сама диктуя своимъ министрамъ важнѣйшія бумаги, такъ что они обращались въ простыхъ секретарей [3]), Екатерина, однако, упустила изъ виду, что лишеніе самостоятельности министровъ можетъ повести къ пониженію ихъ служебнаго интереса, къ потерѣ энтузіазма, который воодушевляетъ людей, чувствующихъ за собою просторъ. На практикѣ это выражалось въ ужасной медлительности, обычной, по мнѣнію Сегюра, для русскаго кабинета. „Я зналъ—говоритъ онъ,—что императрица не медлила въ своихъ соображеніяхъ, планахъ и приказаніяхъ, но что иногда, по неусердію ея чиновниковъ, предположенія ея исполняются чрезвычайно тихо [4]). Вотъ факты: гр. Кобенцель шесть недѣль дожидался бумагъ, съ которыми ему надо было послать курьера къ императору, а во время раздѣла Польши, въ министерство Панина, русскій посолъ въ Варшавѣ написалъ семнадцать нужныхъ депешъ, не получивъ на нихъ отвѣтовъ [5]). „Никто ничего не дѣлаетъ", ворчалъ Безбородко, которому приходилось всюду поспѣвать [6]). Сама Екатерина однажды должна была сознаться, что «наши дураки въ иностранной коллегіи, не думая о дѣлахъ, проводятъ время только съ дѣвками» [7]).

---

[1]) Записки, с. 97.
[2]) ibid
[3]) Сегюръ, Записки, с. 17.
[4]) ibid. 99—100.
[5]) ibid. 280.
[6]) Храповицкій, Записки, с. 124; Архивъ кн. Воронцова т. XIII, с. 87.
[7]) Храповицкій, Записки, с. 151.

Но если не было легальной власти, которая бы сохраняла свою самостоятельность, то отсюда еще не слѣдуетъ, что такой власти вообще не было. Она была, только дѣйствовала скрытно, хотя результаты ея дѣйствія были у всѣхъ на глазахъ. Разумѣю — *фаворитизмъ*. Что бы ни говорили сторонники Екатерины, но я никогда не соглашусь съ тѣмъ, что ея фавориты было только альфонсами: это была скрытая политическая сила, подчасъ даже очень внушительная. Современники, хорошо посвященные въ тайны придворной жизни, очень высоко цѣнили значеніе фаворита; для нихъ онъ Даждьбогъ, передъ которымъ преклонялись въ ожиданіи великихъ и богатыхъ милостей. Вотъ для примѣра описаніе ежедневныхъ утреннихъ пріемовъ у кн. П. Зубова:

„Цѣлое сонмище просителей и людей всѣхъ ранговъ усердно посѣщали эти утренніе пріемы. Вся улица была полна каретами и экипажами самаго разнообразнаго вида. Бывали случаи, что послѣ продолжительнаго ожиданія въ пріемную входилъ камердинеръ князя и торжественно заявлялъ, что его сіятельство сегодня принимать не будетъ, послѣ чего всѣ молча разъѣхались, но также аккуратно являлись на слѣдующій день. Церемоніалъ пріема былъ слѣдующій: въ началѣ 12 часа двери кабинета широко растворялись и Зубовъ входилъ въ комнату небрежной походкой и, сдѣлавъ общее привѣтствіе легкимъ кивкомъ головы, садился къ туалетному столу. Онъ былъ въ легкомъ халатѣ, изъ-подъ котораго видно было бѣлье. Парикмахеръ и лакеи приносили парикъ и пудру, а всѣ присутствующіе старались уловить его взглядъ и обратить на себя вниманіе всесильнаго фаворита. Всѣ почтительно стояли, и никто не смѣлъ проронить слова, пока князь самъ не заговоритъ. Нерѣдко онъ все время молчалъ, и я не запомню, чтобы онъ когда-нибудь предложилъ кому-нибудь стулъ... Окончивъ прическу и подписавъ нѣсколько бумагъ, Зубовъ одѣвалъ мундиръ или камзолъ и удалялся во внутреннія комнаты, давая знать легкимъ поклономъ, что аудіенція кончена. Всѣ кланялись и спѣшили къ своимъ каретамъ [1]).

Разумѣется, весь этотъ людъ ломился въ пріемную Зубова недаромъ: посѣтители были увѣрены — и на это у нихъ имѣлись свои основанія,— что если фаворитъ захочетъ,

[1]) Записки А. Чарторыйскаго, Р. Ст. 1906, VI, 474; ср. Мертваго, с. 80.

то онъ все можетъ, хотя самъ Зубовъ обыкновенно предупреждалъ просителей, что онъ ничего не можетъ—все зависитъ отъ императрицы. Вотъ вамъ примѣръ: гр. де-Сегюръ очень желалъ заключить съ Россіей торговый договоръ, особенно выгодный для французскаго винодѣлія, но всѣ его старанія разбивались объ упрямство уполномоченныхъ Екатерины; Потемкинъ обѣщалъ свое содѣйствіе—„и мнѣ нетрудно было догадаться, говоритъ дипломатъ, что какая-то тайная сила подѣйствовала на расположеніе уполномоченныхъ: Воронцовъ сталъ уступчивѣе, Безбородко дѣятельнѣе, Остерманъ любезнѣе, одинъ только Марковъ еще упрямился; съ проэктомъ видимо желали согласиться, и всѣ почти перемѣны, которыя желалъ нашъ дворъ, были сдѣланы [1]). Нужно сказать, что Потемкинъ занималъ при Екатеринѣ исключительное положеніе. „Довѣренность могуществу его равна“, говоритъ о Потемкинѣ гр. Завадовскій, и прибавляетъ, что „не одни дѣла военныя, но всѣ идутъ по его волѣ [2]). Нашу внѣшнюю политику Потемкинъ направилъ къ союзу съ Австріей, вмѣсто Пруссіи, и желая къ нѣсколькимъ десяткамъ своихъ орденовъ прибавить еще и Георгіевскій, вызвалъ войну съ Турціей, вопреки даже желанію императрицы [3]). Другіе фавориты, по своей бездарности, были менѣе всемогущи; о Васильчиковѣ современники даже сожалѣли, что онъ вышелъ изъ случая — это былъ самый безцвѣтный фаворитъ [4]). Обыкновенно лица, желавшія пользоваться властью, но почему-либо не могущія исполнять должности альфонсовъ, приставляли къ императрицѣ и своего фаворита, но такого, чтобы онъ былъ для нихъ безвреденъ: Васильчиковъ былъ ставленникомъ Панина, Завадовскій—Румянцева; Потемкинъ замѣнилъ Завадовскаго Зоричемъ, а этого послѣдняго, за попытку эмасципироваться отъ вліянія своего патрона—Корсаковымъ [5]); Ермоловъ вышелъ изъ „случая“ по той же причинѣ [6]). Съ годами фавориты совсѣмъ овладѣли дряхлой императрицей. Послѣднимъ по времени былъ П. Зубовъ, своими дарованіями далеко усту-

[1]) Записки, с. 129.
[2]) Архивъ кн. Воронцова, т. XII, с. 62.
[3]) Сегюръ, Записки, с. 174.
[4]) Гельбигъ. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в., Р. Ст. 1887, III, с. 543.
[5]) Op. cit.
[6]) Сегюръ, Записки, с. 121—2; Гельбигъ Op. cit.

павшій Потемкину, но, по удостовѣренію Безбородки, „и въ пущее время славы кн. Потемкина онъ меньше нынѣшняго значилъ [1]). Только что вступивши въ случай, Зубовъ распорядился, чтобы секретари Ея Величества всѣ входящія бумаги присылали къ нему,— конечно, не ради пустого любопытства. Ревнивый къ прерогативамъ императрицы, Храповицкій за это назвалъ его „дуралеюшкой“ [2]); но „дуралеюшка“, подобно сказочнымъ своимъ братьямъ, быстро пошелъ въ гору. «Универсальный человѣкъ, нововыдавшій себя за способнаго»—иронически отзывается о немъ Безбородко и прибавляетъ, что „всѣ дѣла, наипаче внутреннія, захвачены симъ новымъ господиномъ»; военный министръ потерялъ всякое значеніе, „совѣтъ“ сдѣлался совершеннымъ пустыремъ [3]). Положимъ, Безбородко въ данномъ случаѣ — лицо заинтересованное; но лояльный Руничъ говоритъ то же самое. „Зубовъ, по его словамъ, былъ всемогущъ—его вліяніе распространялось на дѣла внѣшнія и внутреннія. Въ качествѣ главнаго начальника артиллеріи, онъ имѣлъ вліяніе на всю армію; какъ человѣкъ, близкій къ престолу, онъ властвовалъ въ кабинетѣ и государственномъ совѣтѣ. Его канцелярія была государственной канцеляріей; ея директоры были всемогущи и могли оказывать покровительство или преслѣдовать тѣхъ, къ коимъ они благоволили или къ кому относились недоброжелательно въ своихъ собственныхъ видахъ [3]).

Въ провинціяхъ проводниками верховной власти были *губернаторы*.

По „Учрежденію о губерніяхъ“ Екатерина значительно увеличила число послѣднихъ, сравнительно съ Петровскими, и усилила власть губернаторовъ. «Губернаторъ, по „Наставленію“, долженъ быть хозяиномъ всей губерніи; онъ долженъ въ губерніи смотрѣть, всякій исполняетъ-ли свою должность и законы, въ противномъ случаѣ онъ понуждать власть имѣетъ [4]). Хотя, по закону, губернаторы подчинены сенату, но на практикѣ сама Екатерина ихъ избирала, время отъ времени вызывала къ себѣ для наставленій и требовала отчета въ ихъ дѣятельности. Такъ какъ Екатерина никогда

[1]) Архивъ кн. Воронцова, т. XIII, с. 269.
[2]) Записки, с. 378.
[3]) Ibid. т. XXIII №№ 185, 187 и 215.
[4]) Записки, Р. Ст. 1901, I, с. 56—7.
[4]) Сбор. Имп. Русск. Ист. Общ. т. VII, с. 353.

не отличалась умѣньемъ распознавать людей, да, не зная ихъ частной жизни и не видя при исполненіи ежедневныхъ дѣлъ, едва ли это и возможно, — то не удивительно, что ея выборъ часто (м. б. даже и въ большинствѣ случаевъ) былъ неудаченъ. Контроль въ такомъ случаѣ могъ бы поправить ошибку; но какъ контролировать человѣка, котораго видишь въ теченіе всего нѣсколькихъ часовъ, за нѣсколько сотъ, а то и тысячъ верстъ отъ мѣста его служенія? Во время своего двухкратнаго путешествія по Россіи Екатерина имѣла возможность ближе присмотрѣться къ губернаторамъ, но ей показывали при этомъ только декораціи, а вникнуть въ существо дѣла она не стремилась; поэтому ей все казалось въ должномъ порядкѣ. „Ваше Величество, кажется, довольны всѣми этими господами?“ — спросилъ однажды Екатерину де-Линь, видя, какъ она, при выѣздѣ изъ одного губернскаго города, даже садясь въ карету, продолжала благодарить, раздавать награды и подарки. „Ничуть“ — отвѣчала Екатерина, — но я хвалю громко, а браню тихо [1]). Намъ, однако извѣстны только похвалы — и ни одного порицанія, хотя Екатерина обыкновенно въ интимномъ кругу любила дѣлиться своими впечатлѣніями. Допустимъ даже, что такіе случаи были: нельзя не похвалить, съ одной стороны, тактичности императрицы, а съ другой—нельзя не признаться, что такой способъ управленія, по своей снисходительности, допускаетъ возможность повторенія злоупотребленій. Екатерина вообще избѣгала крутыхъ мѣръ въ отношеніи представителей власти, даже такихъ, неблагонамѣренность которыхъ ей была хороша извѣстна: напр., Владимірскимъ и Костромскимъ губернаторомъ ею былъ назначенъ, по родству съ канцлеромъ, Р. Воронцовъ, котораго собственная дочь называетъ человѣкомъ невѣжественнымъ [2]), а посторонніе свидѣтели говорятъ, что онъ былъ отъявленный взяточникъ и грабитель [3]). Все это отлично было извѣстно императрицѣ и, тѣмъ не менѣе, она его долго терпѣла; когда же больше нельзя было терпѣть, вслѣдствіе вопля подчиненныхъ, то императрица придумала своеобразный выговоръ;

[1]) Oeuvres XXII, 97; Сегюръ Записки, с. 237; Архивъ кн. Воронцова, т. XXV, с. 449—50; ср. Записки Болотова, т. IV, с 179.

[2]) Записки кн. Дашковой, Р. Ст. 1906, III.

[3]) Щербатовъ. О поврежденіи нравовъ, с. 682; А. Тургеневъ, Записки, Р. Ст. 1889, II; Болотовъ Записки, т. III, с. 892.

въ день ангела Воронцова (27 ноября 1783 г.) къ нему явился курьеръ и, въ присутствіи многочисленныхъ гостей, поднесъ имяниннику императорскій подарокъ—длинный, въ полтора аршина кошелекъ. Старикъ не вытерпѣлъ такого скандала и скончался; но будь у него сердце покрѣпче, то, конечно, онъ продолжалъ бы и дальше свою „полезную“ (для собственнаго кармана) дѣятельность, только осторожнѣе. Въ Запискахъ Ал. Михайловича Тургенева мы имѣемъ довольно пространный перечень губернаторовъ Екатерининскаго времени, оставившихъ по себѣ худую славу. Я его привожу почти въ дословной передачѣ.

Губернаторъ Тобольскій Денисъ Чичеринъ ужаснѣйшія дѣлалъ варварства въ Сибири; послѣ него генералъ-губернаторъ Якобій грабилъ Сибиръ, какъ Батый; Мельгуновъ, генералъ-губернаторъ Ярославскій и Воронцовъ — Владимірскій и Костромской—тоже. Сумасшедшій Каменскій въ Рязани, глуповатый Ступишинъ—въ Ниж.-Новгородѣ и Пензѣ, Кречетниковъ—въ Тулѣ и Калугѣ, пьяница—воинъ В. Нащокинъ—въ Симбирскѣ, Бекетовъ—въ Астрахани — самовольничали, какъ хотѣли. Дочь генералъ-губернатора В. Мещерскаго, чтобы скрыть короткость свою съ лакеемъ своимъ, заперла его въ кабакѣ пировавшаго съ товарищами и нахвалявшагося тѣмъ, что онъ фаворитъ г-жи своей и властелинъ всей Казани (слабый и пристрастный князь Мещерскій дѣлалъ все, что только хотѣла дочь его)—зажгла кабакъ; къ несчастью Казани, злодѣяніе это было учинено во время сильной бури,—весь городъ и большое число жителей сдѣлались жертвою пламени, — князь и княжна остались ненаказанными. Татаринъ казанскій подалъ Мещерскому прошеніе; князь, не понимая, о чемъ татаринъ просилъ его,—прошеніе было написано по-русски,—сказалъ татарину: „Я не понимаю, о чемъ ты просишь“ (татаринъ жаловался, что его въ судахъ совершенно ограбили). Оскорбленный отвѣтомъ Мещерскаго, татаринъ сказалъ князю на изломанномъ русскомъ языкѣ: „Э-э, брата, кн. Василь! Стара стала, глупа стала, умъ кончана“.—Не менѣе прославился въ Казани и на Кубани П. С Потемкинъ. Въ бытность его Кавказскимъ генералъ-губернаторомъ, кто-то изъ семейства шаха Персидскаго просилъ у Екатерины позволенія дожить свой вѣкъ въ Россіи; Потемкину велѣно принять его на

корабль и перевезти въ Астрахань. Принцъ нагрузилъ корабль всякимъ добромъ, но когда онъ подъѣхалъ на баркасѣ съ семействомъ и хотѣлъ взойти на палубу корабля, то ему отрубили пальцы, и принцъ упалъ въ море; семейство его также погибло, а драгоцѣнности Потемкинъ забралъ себѣ. Впрочемъ, онъ за это, повидимому, былъ наказанъ (Потемкинъ вскорѣ умеръ, побывавъ въ рукахъ Шешковскаго)[1]). Разумѣется, не всѣ губернаторы Екатерининскаго времени были въ числѣ этихъ грабителей и насильниковъ; но хорошихъ извѣстно мало: назову Сиверса Новгородскаго и Румянцева Малороссійскаго, извѣстныхъ своею гуманностью, распорядительностью и, пожалуй, безкорыстіемъ.

Не смотря на плохое управленіе, благосостояніе народа, въ общемъ, при Екатеринѣ значительно увеличивается. Нужно сказать, что правительство, руководимое императрицей, прилагаетъ къ этому всякое стараніе. Безконечныя степи на югѣ, а частію и востокѣ — постепенно заселяются (иностранными колонистами, раскольниками и бѣглыми крестьянами), выстраиваются города, проводятся каналы, образуются пристани, заводится военно-торговый флотъ, число фабрикъ и заводовъ увеличивается почти вчетверо (съ 500 до 2000), распространяется культура картофеля, уничтожаются внутреннія таможни, разрѣшается вывозъ хлѣба за границу, заключаются болѣе или менѣе выгодные торговые договоры съ сосѣдними государствами, учреждаются банки. Въ развитіи народнаго благосостоянія очень важное значеніе имѣла отмѣна ограниченій въ области торговли и промышленности. За такую отмѣну стояла сама императрица, убѣжденная, что „всѣхъ дѣлъ, касающихся до торговли и до фабрикъ, не можно завести принужденіемъ, а дешевизна родится только отъ великаго числа продавщиковъ и отъ вольнаго умноженія товара“[2]). Въ результатѣ — монополіи были уничтожены, а таможенные тарифы значительно понижены.

Правительство Екатерины обратило вниманіе также на народное здравіе: учреждается медицинская коллегія, издаются уставы о повивальныхъ бабкахъ и аптекарскій, по соб-

[1]) Р. Ст. 1889, II, с. 210—211,
[2]) Сбор. Имп. Русск. Ист. Общ. X, 258—9.

ственному почину императрицы вводится оспопрививаніе, улучшается санитарное положеніе городовъ.

Обычнымъ мѣриломъ народнаго благосостоянія является ростъ государственныхъ доходовъ: къ концу царствованія Екатерины они возвысились почти вчетверо (съ 16,5 мил. до 68,3). Правда, что при этомъ играло роль также и увеличеніе податей: подушной слишкомъ въ $1^1/_2$ раза и косвенныхъ—почти въ $2^1/_2$ раза; но такъ какъ высота податного обложенія въ общемъ соотвѣтствуетъ эластичности народнаго кармана, то мнѣ кажется, что заключеніе отъ роста государственныхъ доходовъ къ росту народнаго богатства, до извѣстной степени, будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности (даже и при несомнѣнной наличности повышеннаго фиска).

Не смотря, однако, на столь выгодное заключеніе, нельзя сказать, чтобы финансы Екатерины находились въ хорошемъ состояніи: она оставила своимъ преемникамъ около 200 мил. долга, т. е. доходъ почти четырехъ лѣтъ. Положимъ, что 17 лѣтъ войны что-нибудь да стоили; но все же можно утверждать, что этого дефицита не было бы, еслибъ государственные доходы употреблялись съ надлежащей осмотрительностью; но ее какъ разъ и не было.

Фридрихъ Великій любилъ посмѣиваться надъ безалабернымъ хозяйничаньемъ Екатерины, но она не унывала. „Какъ вамъ нравится мое маленькое хозяйство?—хвалилась она Сегюру: не правда ли, оно понемногу устраивается и увеличивается? У меня немного денегъ (тутъ императрица немножко поскромничала), но, кажется, они употреблены съ пользой... Я уважаю вашихъ ученыхъ, но лучше люблю невѣждъ; сама я хочу знать только то, что мнѣ нужно для управленія моего маленькаго хозяйства“ [1]). Увы, этого-то ей не доставало! Кажется, ничего не было столь чуждаго Екатеринѣ, какъ экономія — она ее органически не переваривала. Порядка и экономіи не было прежде всего въ личномъ хозяйствѣ императрицы. Вотъ для примѣра нѣсколько расходныхъ статей Екатерининскаго двора: ежегодно—28 т. руб. на зелень, 18 т. руб. на деревянныя уголья (дворецъ отапливался дровами), 144 т. руб. на масло, сливки и молоко [2]); ежедневно—штофъ англійской горькой (императрица употребляла для діэты только одну рюмку передъ обѣдомъ)

[1]) Сегюръ. Записки, с. 144; Ligne, XXII, 91.
[2]) Архивъ кн. Воронцова, т. XXV, с. 454.

и пудъ пудры. Конечно, всѣ эти расходы были дутыми — императрицу безсовѣстно обкрадывали; но любопытно, что она сама знала объ этомъ и не предпринимала никакихъ мѣръ пресѣченія, предполагая, что онѣ будутъ несовмѣстимы съ ея положеніемъ: императрица должна жить роскошно. Однажды Екатерина замѣтила изъ окна, что прислуга ежедневно къ обѣду выноситъ изъ ея кухни много накрытыхъ корзинъ; по справкамъ оказалось, что это припасъ для стола. „Пусть ихъ кормятся—рѣшила императрица—только бы не носили продавать!“ Вмѣсто выговора виновнымъ, Екатерина иногда ограничивалась юмористической выходкой; такъ, узнавъ о необычайномъ расходѣ пудры, она наклонила голову, дѣлая видъ, что ей тяжело. На вопросъ окружающихъ, не больна ли она, императрица отвѣчала: „мнѣ высыпали на голову пудъ пудры“.

Если на глазахъ императрицы происходили безнаказанно кражи и хищенія, то нечего, конечно, удивляться тому, что происходило въ отдаленныхъ углахъ Россійской имперіи: казеное имущество безъ зазрѣнія совѣсти обращалось въ личную собственность. „Никогда—говоритъ гр. Ростопчинъ—не были такъ часто преступленія, какъ сейчасъ. Безнаказанность и нахальство достигаютъ крайнихъ размѣровъ. Три дня тому назадъ Ковалинскій, бывшій секретарь военной коммиссіи, выгнанный императрицей за растрату и лихоимство, назначенъ Рязанскимъ губернаторомъ, потому что у него есть братъ такой же негодяй, какъ и онъ, знакомый съ Грибовскимъ, начальникомъ канцеляріи Вл. Зубова. Одинъ Рибасъ воруетъ по 50 т. руб. ежегодно“. Кромѣ Рибаса, можно было бы указать еще нѣсколькихъ лицъ, выдающихся въ этомъ отношеніи; таковы были *Поповъ* и *Безбородко*. Поповъ занималъ сравнительно незначительную должность—правителя канцеляріи при Потемкинѣ; но пользуясь совершеннымъ довѣріемъ Потемкина и его пренебреженіемъ къ будничнымъ дѣламъ, онъ безконтрольно расходовалъ очередныя суммы, которыя ежегодно предоставлялись императрицей въ распоряженіи великолѣпнаго князя Тавриды. „Необычайныя издержки правителя дѣлъ на столъ, игру и любовницъ — говоритъ служившій при Поповѣ Грибовскій, — доказывали, что обычныхъ (рѣшетиловскихъ) его доходовъ для издержекъ сихъ и на одинъ мѣсяцъ не могло бы до-

стать, часто на игру приносилъ онъ изъ своего кабинета полныя шляпы червонцевъ, которые никогда въ оный не возвращались“ [1]).

Безбородко проявилъ впервые свои воровскія наклонности, будучи экспедиторомъ у Румянцева-Задунайскаго: въ Молдавіи онъ продавалъ капитанскіе чины, дававшіе ихъ обладателямъ права русскаго дворянства; тогда же за это онъ былъ наказанъ своимъ патрономъ палочными ударами. Поступивши затѣмъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, Безбородко достигъ званія второго члена ея, но можно сказать, что на дѣлѣ онъ ворочамъ всей коллегіей, будучи въ то же время докладчикомъ и у императрицы [2]). Обладая чрезвычайно непріятной наружностью, Б. однако имѣлъ большую склонность къ женскому полу, которая ему обходились очень дорого: такъ, напр., итальянской пѣвицѣ Давіи давалъ онъ ежемѣсячно на прожитокъ по 2 т. р. золотомъ и при отпускѣ ея въ Италію подарилъ ей деньгами и брилліантами на 500 т. р.; дѣвицѣ Сандуковой онъ приподнесъ подарочекъ въ 80 т. ассигнаціями, которыя она сожгла, не желая поощрять его ухаживанья; своей побочной дочери (отъ Ленушки) онъ далъ въ приданое г. Рожественъ, приносившій ежегоднаго дохода 80 т. р. и сверхъ того домъ въ СПБ., стоимостью въ 300. т. р. Нѣсколько разъ, въ торжественныхъ случаяхъ, Безбородко задавалъ публичныя празднества, поражавшія даже французовъ своей безумной роскошью [3]). Разумѣется, на всѣ эти издержки личнаго состоянія Безбородки далеко не хватало (хотя оно было огромно), и онъ долженъ былъ пополнять свой дефицитъ изъ казеннаго сундука. Не умножая дальше частныхъ примѣровъ, я сошлюсь въ заключеніе на письмо вел. кн. Александра, въ которомъ онъ говоритъ, за годъ до смерти своей бабки: „Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ: грабятъ со всѣхъ сторонъ.“ Сама Екатерина не сомнѣвалась въ томъ, но утѣшала себя тѣмъ, что не ее одну грабятъ, а во всякомъ случаѣ это служитъ показателемъ, что есть что грабить [4]).

Не меньшимъ, если не большимъ зломъ въ этомъ отношеніи былъ фаворитизмъ. Я не осуждаю Екатерину за са-

[1]) Записки, с. 12.
[2]) Архивъ кн. Воронцова т. XIII, № 130.
[3]) Грибовскій, Записки, с. 7—8; А. М. Тургеневъ, Записки, Р. Ст. 1886, X.
[4]) Сегюръ Записки, 95.

мый фактъ, если она въ томъ чувствовала перемогающую потребность, но чего стоили Россіи фавориты? Кастера дѣлаетъ подсчетъ стоимости фаворитовъ и приходитъ къ выводу, что въ общемъ они обошлись Россіи въ 92 м. р.; одинъ Потемкинъ поглотилъ 50 м.[1]). Другой современникъ, авторъ „Историческихъ чертъ, касающихся до жизни и правленія Екатерины II“, опредѣляетъ стоимость Екатерининскихъ любимцевъ до 1784 г., „по весьма умѣренному и не точно сдѣланному исчисленію“, въ 82 или 83 м. руб. „Должно однакожъ считать — предупреждаетъ онъ, что кн. Потемкинъ до 1791 г. требовалъ невѣроятно большія суммы и получалъ оныя, и что императрица обогатила еще трехъ другихъ любимцевъ съ ихъ фамиліями, изъ которыхъ послѣдній, нынѣшній кн. Зубовъ, стоилъ всѣхъ больше[2]). Вотъ откуда получался крупный государственный дефицитъ!

Царствованіе Екатерины ознаменовалось громкими побѣдами на сушѣ и на морѣ. Отсюда можно было бы заключить, что армія и флотъ при ней находились въ цвѣтущемъ состояніи; въ дѣйствительности это было далеко не такъ.

Наличнаго числа арміи никто въ точности не зналъ; предполагается, что къ концу царствованія Екатерины русская армія состояла изъ 280 т. пѣхоты, 57 т. кавалеріи и 10 т. артиллеріи; но въ дѣйствительности, какъ свидѣтельствуетъ Ланжеронъ[3]), русская армія располагала почти половиной этихъ чиселъ. Такое несоотвѣтствіе между номинальнымъ (по росписи набора) и наличнымъ числомъ дѣйствующихъ силъ объясняется, во-первыхъ, злоупотребленіями при наборѣ, большою смертностью въ арміи и общераспространеннымъ обычаемъ начальниковъ пользоваться солдатами для своихъ частныхъ нуждъ; очень много солдатъ также перечислялось въ нестроевыя должности музыкантовъ, мастеровыхъ, писарей, сержантовъ, гусаровъ, конюховъ, сторожей, слугъ разнаго рода. Оставшіеся въ строю далеко не регулярно занимались воинскими упражненіями, въ особенности что касается сложныхъ военныхъ движеній; въ этомъ отношеніи армія Потемкина была хуже всѣхъ. Плохой полководецъ, П. въ тоже время не любилъ регулярныхъ занятій; въ его арміи не было никакой дисциплины, хотя, впрочемъ,

[1]) Vie de Catherine II, Paris.
[2]) Архивъ кн. Воронцова, т. XXV. с. 455.
[3]) Р. Ст. 1895, IV, с. 145.

она содержалась порядочно, и солдатъ рѣдко подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ[1]). Уровень командnаго состава во всей арміи былъ чрезвычайно низокъ, что объясняется особымъ порядкомъ производства въ чины. Въ этомъ отношеніи гвардейцы имѣли рѣшительное преимущество передъ армейцами. Гвардейскіе офицеры переводились въ армейскіе полки двумя чинами выше, изъ капитановъ — полковниками, изъ прапорщиковъ или поручиковъ — въ премьеръ-майоры. Вслѣдствіе такого преимущества, гвардейскіе чины наполняли армейскіе полки, откуда, впрочемъ, послуживъ года два, выходили въ отставку съ производствомъ въ слѣдующій чинъ. Если мы примемъ во вниманіе, что въ гвардію записывались обыкновенно отъ рожденія и повышались въ чинахъ либо за выслугой лѣтъ, либо за службу, которая отправлялась часто черезъ наемниковъ, то не можетъ быть сомнѣнія, что этотъ наплывъ гвардейскихъ офицеровъ въ армію служилъ не къ повышенію, а къ пониженію ея боевой способности. Между тѣмъ эти пришельцы-бѣлоручки не давали хода армейскимъ труженникамъ, не имѣвшимъ сильной протекціи; армейскіе штабъ-офицеры сплошь и рядомъ по 10 – 15 лѣтъ оставались майорами и подполковниками, служа почти безъ всякаго содержанія.

Для любителей военныхъ чиновъ открывались широкія перспективы и помимо гвардіи: достаточно было приписаться прихлебателемъ къ какому-нибудь фавориту (такихъ прихлебателей у него бывало 200—300 человѣкъ), и движеніе по іерархической лѣсницѣ было обезпечено. Придворная служба камергеровъ и камеръ-юнкеровъ также иногда награждались военными чинами; а еще чаще эти будуарные герои, чтобы получить т. с. боевое крещеніе, совершали наѣзды въ дѣйствующую армію, тамъ дѣлали видъ, что принимаютъ участіе въ военныхъ подвигахъ и, попавъ по своему настоянію или протекціи въ реляцію командира, хватали сабли, кресты и медали и возвращались снова въ свои теплыя гнѣзда, хвастая своими заслугами передъ придворными фрейлинами. Случалось, что впослѣдствіи такимъ героямъ поручались и отвѣтственные посты въ дѣйствующей арміи.

Въ обычномъ порядкѣ награжденія принималось во вни-

[1]) Архивъ кн. Воронцова т. XIII, №№ 150 и 151; Записки Энгельгардта (Р. Архивъ 1868 г.) Ю. Долгорукаго (Р. Ст. 1889 г.), письма де-Линя.

маніе не заслуга, а очередь—своего рода выслуга; такъ, за Очаковъ всѣмъ чинамъ до маіора включительно былъ пожалованъ орденъ св. Георгія; при назначеніи наградъ за Измаилъ остановились на подполковникахъ. „Что же касается до капитановъ, поручиковъ и пр. — говоритъ Ланжеронъ, — то эти люди годятся лишь на то, чтобы быть убитыми и выжидать повышенія, происходящаго (если только соблаговолятъ это сдѣлать) черезъ два или три года послѣ сраженія и которое совершается тѣмъ же порядкомъ, т. е. безъ разбора, гуртомъ и цѣлою массою [1]). Разумѣется, что при такомъ порядкѣ талантливые люди рѣдко выдвигались впередъ, посредственность и даже бездарность выдвигались на первое мѣсто, вслѣдствіе чего Екатерининское царствованіе, столь обильное войнами, не завѣщало послѣдующему ни одного великаго полководца, если не считать Суворова, развивавшагося совершенно самобытно.

Однако, чѣмъ же объяснить то, что при столь плохихъ порядкахъ, Екатерининская армія выходила побѣдоносно почти изъ всѣхъ кампаній? Этому были причиной, во-первыхъ, самые враги, а во-вторыхъ—превосходныя качества русскаго солдата.

Кто были врагами?- Шведы, поляки и турки. Въ войнѣ со шведами мы не имѣли успѣха – остаются только поляки и турки. Поляки имѣли храбрыхъ солдатъ, но не имѣли арміи—только сбродъ; поэтому они были разбиты. Но что представляли изъ себя турки? Это не были турки временъ Мюрада и Баязета или хотя бы временъ Прутскаго похода Петра В.: турки, о которыхъ говоритъ Мухаммедъ-Неджати-Эфенди (современникъ Екатерины II) въ своихъ запискахъ [2]), представляли изъ себя неорганизованную орду; съ ней легко было справиться даже съ гораздо меньшими силами, чѣмъ тѣ, которыя были въ распоряженіи Потемкина. Самъ Потемкинъ, по словамъ Сегюра [3]), отзывался о своихъ противникахъ съ пренебреженіемъ (они ему лично, впрочемъ, отвѣчали тѣмъ же). Поэтому, если мы одерживали побѣды надъ турками, такъ это значитъ только то, что порядки въ турецкой арміи, какъ и въ имперіи, были еще хуже, чѣмъ наши; что мы могли выставить противъ нихъ и содержать продолжительное время превосходныя силы; что у насъ были Ру-

[1]) Русск. Ст. 1895, IV, с. 176.
[2]) Русск. Ст. 1894, III—V.
[3]) Записки, с. 75—77.

мянцевъ и Суворовъ и еще то, чего м. б. ни у кого не было—сѣрый русскій солдатъ. «Благодаря тому, что онъ лучшій солдатъ въ мірѣ—говоритъ Ланжеронъ, видавшій на своемъ вѣку виды,—побѣда всюду ему сопутствуетъ. Воздержный, какъ испанецъ, терпѣливый, какъ чехъ, гордый, какъ англичанинъ, неустрашимый, какъ шведъ, воспріимчивый къ порывамъ и вдохновенію французовъ, валлоновъ и венгерцевъ, онъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ качества, которыя образуютъ хорошаго солдата и героя... Его сила происходитъ отъ чувства чести, отъ воодушевленія, отъ національнаго самолюбія, качества столь драгоцѣннаго и столь электризующаго, какимъ ни одинъ солдатъ не обладаетъ въ столь высокой степени, какъ русскій. Покойный прусскій король, знавшій толкъ въ этомъ дѣлѣ, говорилъ о русскихъ: «ихъ гораздо легче убить, чѣмъ побѣдить и, когда ихъ уже убили, ихъ надо еще повалить». Несокрушимая твердыня или опустошительные потоки, воздержные, когда надо, дисциплинированные, когда того желаютъ, они подчиняются всему одинаково скоро; одѣтые или неодѣтые, накормленные или умирающіе съ голоду, получающіе свое жалованье или не получающіе, они никогда не ропщутъ, идутъ впередъ всегда и при одномъ словѣ „Россія“ и „императоръ“ бросаются въ огонь [1]).

Безусловно въ худшемъ положеніи находился флотъ. Правда, по числу кораблей (67 линейныхъ и 40 фрегатовъ, при довольно значительной гребной флотиліи) Екатерининскій флотъ къ концу ея царствованія, занималъ въ Европѣ довольно почтенное мѣсто, но, батюшки, что это былъ за флотъ? «У насъ въ излишествѣ кораблей и людей, но мы не имѣемъ ни флота, ни моряковъ»,—съ горечью сознается Екатерина, послѣ осмотра своей балтійской эскадры; корабли походили на флотъ, выходящій каждый годъ изъ Голландіи для ловли сельдей, но не на военный, такъ какъ ни одинъ корабль не умѣетъ держаться въ линіи [2]). Это было въ 1765 г.; но въ такомъ же состояніи русскій флотъ оставался во все царствованіе Екатерины. «Наши суда таковы—пишетъ Орловъ незадолго до Чесменскаго сраженія, — что если бъ мы не съ турками имѣли дѣло, всѣхъ бы легко

[1]) Р. Ст. 1895, V, 200. О состояніи русской арміи см. еще Записку Реймерса (Р. Ст. 1883, IX), Письма принца де-Линя («Литер. Библ.» т. I и сл.), а также Архивъ кн. Воронцова, т. XII, № 43, XIII, №№ 150 и 151.

[2]) Сбор. X, с. 23—25.

передавили; не нужно бъ было много съ ними драться, а только за ними гнаться, они бъ изъ гавани не выходили по незнанію офицеровъ». На вопросъ его же объ африканскихъ пиратахъ, не встрѣчались ли таковые по пути слѣдованія русскаго флота, офицеры со вздохомъ отвѣчали; «благодаримъ Господа, что они въ такую погоду не выходятъ[1]). И этотъ то флотъ одержалъ Чесменскую побѣду! Впрочемъ, о ней обыкновенно разсказываютъ мифическія подробности; но кто бы хотѣлъ узнать истину, того я отсылаю къ запискамъ героя и участника Чесменскаго боя кн. Ю. Долгорукова[2]). Истиннымъ виновникомъ этого счастливаго для насъ событія былъ капитанъ Грейгъ, но ни адм. Спиридовъ, ни гр. Орловъ не играли въ немъ активной роли.

За военнымъ временемъ и недостаткомъ финансовъ, культурныя потребности населенія, какъ всегда бываетъ, остались на заднемъ планѣ. Да и трудно было насаждать просвѣщеніе въ крѣпостной Россіи. Просвѣщать мужика— это значило открывать ему глаза на его безправное положеніе, значило поднимать его на бунтъ, какъ объ этомъ прямо было заявлено въ царствованіе Николая I. Города еще не успѣли достаточно окрѣпнуть, чтобы принять устройство школъ на свою отвѣтственность, а правительство не особенно спѣшило своей иниціативой и матеріальной помощью. Коммиссія народныхъ училищъ была учреждена только въ 1782 г. и за 14 лѣтъ своего существованія при Екатеринѣ успѣла открыть всего 316 училищъ, для которыхъ негдѣ было взять преподавателей. Эти скромные результаты просвѣтительной дѣятельности правительства дополняются учрежденіемъ Россійской академіи, издавшей словарь русскаго языка, двухъ воспитательныхъ домовъ, дававшихъ чрезвычайно высокій процентъ смертности среди воспитанниковъ, и двухъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, нынѣ безповоротно осужденныхъ наукой. Вотъ и всѣ, такъ сказать, ощутительные результаты просвѣтительной дѣятельности Екатерининскаго правительства. Но было бы несправедливо оцѣнивать его дѣятельность только съ этой, грубо матеріальной стороны. Не слѣдуетъ забывать, что это было именно «просвѣщенное» правительство, напитанное идеями просвѣтительной эпохи, идеями, которыя оно старалось пускать въ обо-

[1]) Ibid. c. 414.
[2]) P. Ст. 1889, IX; ср. реляцію кн. В. К—аго (Отеч. Зап. 1842, IV).

ротъ. Въ этомъ отношеніи одинъ «Наказъ» чего стоилъ! Ничтожное произведеніе въ смыслѣ самостоятельности, большой «Наказъ» былъ драгоцѣненъ тѣмъ, что популяризовалъ передовыя идеи эпохи. Каждый мѣсяцъ онъ прочитывался въ законодательной коммиссіи, состоявшей слишкомъ изъ 550 человѣкъ. Каждую треть года его выслушивали въ присутственныхъ мѣстахъ—это что-нибудь да значило! Сравнительная свобода печати и поощреніе, оказываемое императрицей печатному слову, способствовали развитію сатирической литературы, которая, правда, не исправляла нравовъ, но зато развивала вкусъ къ разумному чтенію. Наконецъ, оживленныя сношенія съ сосѣдними европейскими державами привели русское общество къ различнымъ культурнымъ заимствованіямъ, придававшимъ ему вполнѣ европейскій видъ. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что дамское общество въ данномъ отношеніи шло впереди мужского. «Въ обществѣ — говоритъ гр. Сегюръ, — можно было встрѣтить много порядочныхъ дамъ, дѣвицъ, замѣчательныхъ красотою, говорившихъ на четырехъ и пяти языкахъ, умѣвшихъ играть на разныхъ инструментахъ и знакомыхъ съ твореніями извѣстнѣйшихъ романистовъ Франціи, Италіи и Англіи. Между тѣмъ мужчины, исключая сотню придворныхъ, каковы, напр., Румянцовы, Разумовскіе, Строгановы, Шуваловы, Воронцовы, Куракины, Голицины, Долгоруковы и пр. большею частію были необщительны и молчаливы, важны и холодно вѣжливы и, повидимому, мало знали о томъ, что происходитъ за предѣлами ихъ отечества [1]).

Таковы, въ общемъ, направленіе и результаты 34-лѣтняго Екатерининскаго царствованія. И хотя безспорно, что это царствованіе было лучше и плодотворнѣе предшествовавшихъ, кромѣ Петровскаго, но его слава заключается больше въ пріобрѣтеніяхъ во внѣ, чѣмъ внутри; изъ послѣднихъ же увеличеніе народнаго богатства (обремененнаго, правда, временнымъ долгомъ) и распространеніе идей эпохи просвѣщенія, частично осуществляемыхъ,—вотъ что существенно. Все остальное — неизбѣжное оффиціальное славословіе, не представляющее никакой исторической прочности и настолько же бездоказательное, насколько и пренинціозное...

[1]) Записки, с. 34; ср. Дневникъ Корберона, с. 55.

Пав. Клепатскій.